

Иван Вырыпаев

ПЬЯНЫЕ

пьеса в двух действиях

Буду пьянствовать я до конца своих дней,
Чтоб разило вином из могилы моей.
Чтобы пьяный, пришедший ко мне на могилу,
Стал от винного запаха вдвое пьяней!

***

К черту пост и молитву, мечеть и муллу!
Воздадим полной чашей аллаху хвалу.
Наша плоть в бесконечных своих превращеньях
То в кувшин превращается, то в пиалу.

***

Все, что видишь ты, - видимость только одна
Только форма - а суть никому не видна.
Смысла этих картинок понять не пытайся -
Сядь спокойно в сторонке и выпей вина!

(Омар Хайям «Рубаи»)

Действующие лица:

Марта, красивая молодая девушка, 21 год.

Марк, директор крупного международного кинофестиваля, 46 лет.

Лаура, модель, 30 лет.

Магда, подруга Лауры, 30 лет.

Лоуренс, муж Магды, 35 лет.

Густав, банкир, 53 года.

Лора, жена Густава, 40 лет.

Карл, банкир, 50 лет.

Линда, жена Карла, 47 лет.

Рудольф, менеджер пиар-технологий, 30 лет.

Макс, операционный менеджер банка, 32 года.

Матиас, менеджер компании по производству рекламы, 35 лет.

Габриель, заместитель управляющего строительной компании, 31 год.

Роза, проститутка, 22 года.

I АКТ

1. сцена

Ночь, улица. На улице, напротив дверей ресторана, который давно закрыт, стоит молодая девушка. Это Марта. Марта пьяна. На ней короткое летнее платье, а в руке у нее маленькая дамская сумочка. Марта очень сильно пьяна. Она не может стоять на одном месте, ее шатает из стороны в сторону. Опьянение бросает ее хрупкую фигуру то вправо, то влево, то вперед, то назад, она похожа на кусок газеты, гоняемый ветром по улице. Наконец, Марта делает несколько шагов в сторону, теряет равновесие и падает в грязную лужу. После падения Марта издает несколько нечленораздельных звуков, из которых едва-едва можно разобрать что-то вроде: «Зачем все это?». Марта лежит в грязной луже. Она пытается подняться. Делает усилие и встает на четвереньки. По ее лицу текут грязные струи воды. Вся ее одежда в грязи. Ее голые ноги в грязи. Марта

пытается встать, она встает. Марта пытается руками нащупать свою сумочку на своем правом бедре. Потом на левом. Сумочки нет. Марта смотрит вниз. Ее сумочка внизу, в луже. Марта наклоняется, чтобы поднять сумочку, теряет равновесие и снова падает в лужу. При падении она больно ударилась и снова прокричала что-то невнятное типа: «Кто это делает, зачем?». Входит Марк. Он сильно пьян и еле-еле передвигает ноги. Марк замечает Марту, лежащую в грязи, он хочет к ней подойти, но у него не сразу это получается, потому что его шатает из стороны в сторону. Он делает несколько шагов вперед, потом несколько шагов назад, потом снова вперед. Кажется, будто Марк исполняет какой-то странный комический танец. Наконец, Марку удается подойти к Марте. Он стоит рядом с ней и смотрит на то, как Марта пытается подняться. Марта пытается подняться, она встает на колени, потом, упираясь руками о землю, пытается поднять попу и выпрямить ноги. Марк наблюдает за действиями Марты, однако его тело чересчур наклоняется назад, и Марк, взмахивая руками, отлетает на несколько шагов назад, но ему удается устоять на ногах. Марк удерживает равновесие и снова подходит к Марте. Марта не смогла встать на ноги и решила немного передохнуть. Она решила немного посидеть. Посидеть в той самой луже, из которой она пытается выбраться. Марта села на попу и вытянула голые ноги. Она сидит в самом центре лужи. Марк смотрит на Марту. Внутри него происходит какой-то мыслительный процесс. Марк, пошатываясь из стороны в сторону, пребывает возле Марты, которая сидит в луже. Марк хочет подойти к ней поближе, но ему не сразу это удается. Наконец, Марк подходит к Марте и протягивает ей руку.

МАРК. Тымжш взя. (Ты можешь взять.)

Марта смотрит на Марка, не понимая, чего он от нее хочет. Марк машет перед ее лицом своей рукой.

МАРК. Хэч помч. (Хочу помочь.)

Марта смотрит на Марка и подает ему свою руку. Марк берет Марту за руку и тянет ее на себя. Марта пытается встать. Марка сильно шатает, но он не выпускает руку Марты. Наконец, Марте удается встать на одно колено, потом на другое. Через некоторое время ей удается привстать на одну ногу. Марк со всей силы дергает Марту за руку, Марта вскакивает на ноги, теряет равновесие и падает на Марка, Марк также теряет равновесие и, не в силах удержать Марту, вместе с ней падает в ту же самую лужу. При падении они оба вскрикивают. Из Марка вылетает: «Не устояли?!», а из Марты: «Не нужно этого?!». Марк и Марта какое-то время лежат в луже. Первым пытается подняться Марк, после нескольких неудачных попыток ему, наконец, удается подняться на колени. Марта тем временем лежит в луже без движения. Марк пытается встать с колен, но у него не получается, он все время теряет равновесие и снова падает на колени. После третьей неудачной попытки Марк решает отползти немного в сторону. Передвигаясь на четвереньках, как собака, Марк выползает из лужи и садится на попу рядом с лужей. Он весь в грязи. Марк смотрит на Марту, которая лежит в луже.

МАРК. Эй, т... Тыжи... Эй...

От голоса Марка тело Марты совершает несколько движений. Марта поднимает голову. Она оглядывается. По ее лицу текут грязные струи. Марта поднимается на четвереньки и ползет в сторону Марка. Марта подползает к Марку и садится с ним рядом. Марк одобрительно смотрит на Марту и кивает.

МАРК. Ну, вот.

Марта вытирает лицо руками, кажется, она слегка пришла в себя. Марк долго смотрит на Марту, словно пытаюсь понять, зачем она вытирает свое лицо руками. Марк смотрит на Марту, потом начинает говорить. Его язык заплетается, Марк с большим трудом выговаривает каждое слово.

МАРК. Смысл в том, чтобы видеть. Вот и все. Смысл в том, чтобы видеть. И все.

Марта поднимает голову и смотрит на Марка. Видимо, она пытается сообразить, что происходит? Марк тоже смотрит на Марту.

МАРК. А кто что видит, вот это уже вопрос.

Марта пристально смотрит на Марка, видимо, пытаюсь понять, кто это перед ней.

МАРТА. А кто это меня спрашивает?

МАРК. Это я, Марк.

МАРТА. А кто это ты?

МАРК. Я Марк.

МАРТА. Ты Марк?

МАРК. Я Марк.

МАРТА. Я ничего не знаю, ничего.

МАРК. Нужно видеть цели и задачи, которые мы ставим перед собой, вот и все.

МАРТА. Я забыла, как тебя зовут?

МАРК. Марк.

МАРТА. Для чего мы здесь сидим, Марк?

МАРК. Для того, чтобы найти королевский алмаз, прекрасная Гульбахар.

МАРТА. Меня зовут Марта, а не Гульбрахам.

МАРК. Это фраза из фильма.

МАРТА. А для чего?

МАРК. Из Иранского фильма, который называется сейчас я уже не помню, как.

МАРТА. Для чего?

МАРК. Потому что я это увидел и теперь даю это тебе, Майя.

МАРТА. Марта. Меня зовут Марта.

МАРК. А я директор кинофестиваля Марк Гардениц.

МАРТА. Ты же пьяный в жопу.

МАРК. А ты кто, Гульбахар?

МАРТА. Я сейчас пока еще не знаю, кто я. Я в поиске себя, и мне хочется блевать.

МАРК. Блуй, только не на мой костюм, потому что я директор кинофестиваля, мне нельзя быть облеванным. Меня, кстати, зовут Марк, я тут был в гостях.

МАРТА. Ты в гостях, Марк?

МАРК. Да, я здесь в гостях. У своих приятелей, которые меня напоили до самой смерти.

МАРТА. Значит, ты сейчас умрешь, Марк?

МАРК. Смерти нет, прекрасная Гульбахар. Всевышний примет нас, когда мы умрем, вот и все.

МАРТА. Ой, ой, ой! Это все такой бред, то, что ты сейчас говоришь! Это такой понос, то, что ты сейчас говоришь. Это просто кал, то, что ты сейчас говоришь.

МАРК. Смерти нет, вот и все.

МАРТА. Это такой кал, то, что ты говоришь. Это просто жуткое говно, то, что ты сейчас говоришь.

МАРК. Смерти нет, прекрасная Гульбахар.

МАРТА. Перестань.

МАРК. Смерти нет, прекрасная Гульбахар.

МАРТА. Перестань, я сказала.

МАРК. Смерти, нет прекрасная Гульбахар.

МАРТА. Прекрати, слышишь, я кому сказала!

МАРК. Смерти нет, прекрасная Гульбахар.

МАРТА. Заткнись, слышишь, я тебе сказала, заткнись.

МАРК. Смерти нет...

Марта принимается бить Марка руками по лицу и кричать.

МАРТА. Заткнись, заткнись! Закрой рот! Закрой свой рот!

Марк, закрываясь от ударов Марты руками, продолжает повторять.

МАРК. Смерти нет. Нет. Смерти нет.

МАРТА. Заткнись! Прошу тебя, заткнись! Замолчи! Перестань, повторять этот кал! Меня тошнит!

МАРК. Смерти нет, прекрасная Гульбахар.

МАРТА. Меня сейчас выблует от всего этого говна. Заткнись, заткнись!

МАРК. Смерти нет, прекрасная Гульбахар.

Марта кидается на Марка всем своим телом, она пытается закрыть ему рот руками.

МАРК. Смерти нет, прекрас...

МАРТА. Сука, заткнись...

МАРК. Нет, прекрасная...

МАРТА. Заткнись, заткнись...

МАРК. Смерти...

МАРТА. Сука, ты сука, заткнись...

МАРК. Смерти нет, прекрасная...

МАРТА. Замолчи, сука, заткнись...

Марк вертит головой и не дает Марте прикоснуться к его лицу. Марта бьет Марка по шее. Марк замахивается и со всей силы бьет Марту по лицу. Марта отлетает в сторону и падает на землю. Она лежит на земле без движения.

МАРК. Тебе нужно как следует обдумать свои действия, прежде чем ты начнешь хоть что-нибудь предпринимать. Тебе нужно посмотреть на свои мысли. О чем ты думаешь? Подумай, о чем ты думаешь, прежде чем ты начнешь говорить. Я директор международного кинофестиваля и я прекрасно знаю, что творится у вас в головах. У вас в головах страх и неуверенность в

завтрашнем дне. Кто тут из вас не боится заболеть этим ебаным раком, пусть сделает шаг вперед? Кто не боится заболеть этим ебаным раком, пусть сделает шаг вперед? Я вас спрашиваю, кто тут не боится заболеть этим ебаным раком, пусть сделает шаг вперед?! Кто не боится заболеть этим ебаным раком?! Тишина. Вот теперь наступает настоящая тишина. Вот теперь мы тут посидим все вместе и послушаем настоящую тишину. Вот так вот.

Марк замолкает. Он сидит и слушает тишину. Марта лежит на земле, она начинает рыдать. Марк сидит и слушает рыдания Марты. Затемнение.

2. Сцена

Квартира Лауры. Большая гостиная, в которой два дивана, три кресла, два низких столика для коктейлей и газет. На стенах фотографии и постеры к фильмам. В одну из стен встроены книжные полки с книгами и видеодисками. У окна большой аквариум с маленькими красными рыбками. Пол устелен белым пушистым ковром. На столах и на полу множество бутылок из-под пива, вина, водки, виски и т.д. Повсюду тарелки с едой, разлитое вино, опрокинутые пепельницы. В комнате Лаура и Магда. Они очень пьяны. Играет музыка, Лаура и Магда стоят посреди комнаты обнявшись, они делают вид, что танцуют, но на самом деле они просто пытаются удержать равновесие, чтобы не упасть. Лаура и Магда ухватились друг за друга, но их мотает из стороны в сторону. Создается впечатление, будто это поединок двух борцов. На секунду им удается застыть на месте. Магда поднимает голову и смотрит на Лауру.

МАГДА. Знаешь, я хочу спросить тебя, ты знаешь? Я хочу спросить тебя, только это очень важно, ты знаешь об этом? Отвечай мне, ты знаешь об этом?

ЛАУРА. Я не знаю.

МАГДА. Не знаешь.

ЛАУРА. Я не знаю, где то, что ты говоришь, где все это?

МАГДА. Здесь.

ЛАУРА. Ах, здесь?!

МАГДА. Да, потому что это здесь. Это все здесь! Молчание и любовь. И то, какая ты, и то, какая я, и космический корабль моего сердца улетает навсегда.

ЛАУРА. Это так красиво! Это так красиво!

МАГДА. Кто откроет дверь женщине, когда она стоит у дверей?!

ЛАУРА. Это так красиво, это так красиво!

МАГДА. Пусть открывают двери, пусть принесут воды! Пусть слезы превращаются в дожди!

ЛАУРА. Это круто! Это очень красиво! Давай еще!

МАГДА. Господь мой космос, помилуй меня, раба твоего.

ЛАУРА. Круто, круто! Господь, космос, круто!

МАГДА. Господи, напои меня и сведи меня с ума. Господи, приведи меня туда, где я буду как будто одна. Господи, прости меня. Господи, прости.

Магда отталкивает Лауру и, сильно шатаясь, делает несколько шагов в сторону.

МАГДА. Ты не можешь меня простить, да? Ты не можешь меня простить, так ты считаешь, что ты не можешь меня простить, да?

ЛАУРА. Эй, эй, эй, ты ни в чем не виновата.

МАГДА. Виновата, можешь меня простить? Я виновата, можешь меня простить?

ЛАУРА. Ты не в чем не виновата, эй, эй, эй!

МАГДА. Виновата, можешь меня простить?

ЛАУРА. Ты ни в чем не виновата?

МАГДА. Эй, эй, эй, можешь меня простить?!

ЛАУРА. Ты ни в чем не виновата. Ты не виновата!

Магда, еле удерживаясь на ногах, идет к Лауре.

МАГДА. Прости меня, я прошу тебя, прости меня. Я раз в жизни так сильно прошу кого-нибудь простить меня!

Магда и Лаура встречаются на середине комнаты и обнимаются.

ЛАУРА. Эй, эй, эй.

МАГДА. Эй, эй, эй.

ЛАУРА. Ты прекрасная, ты любимая, ты сокровище, ты золото, ты брильянт.

МАГДА. Господи, я такая плохая!

ЛАУРА. Ты брильянт!

МАГДА. Господи, я люблю только тебя, понимаешь, только тебя, Господи.

ЛАУРА. Я тоже люблю только тебя, Господи.

МАГДА. Я тоже люблю только тебя, Господи.

ЛАУРА. Я тоже люблю только тебя, Господи.

МАГДА. Я тоже люблю только тебя, Господи.

ЛАУРА. Только тебя, Господи.

ЛАУРА. Я тоже люблю только тебя, Господи.

МАГДА. Я тоже люблю только тебя, Господи.

ЛАУРА. Только тебя, Господи.

МАГДА. Только тебя, Господи.

ЛАУРА. Только тебя, Господи.

МАГДА. Только тебя, Господи.

ЛАУРА. Я тоже люблю только тебя, Господи.

МАГДА. Только тебя, Господи.

ЛАУРА. Я тоже люблю только тебя, Господи.

Магда и Лаура делают несколько шагов в сторону, теряют равновесие и летят в угол комнаты, они падают на стол, сшибая все бутылки и тарелки с едой. При падении Магда и Лаура кричат: «Помогите нам, Господи, помогите нам! Помогите! Помогите!». На их крик в комнату вбегает Лоуренс. Он тоже очень сильно пьян. Лоуренс в деловом костюме, но абсолютно мокрый, с него ручьями течет вода. Видимо, он сидел в ванне с водой прямо в костюме. Лоуренс, сильно шатаясь, вбегает в комнату и останавливается посередине. С него течет вода.

ЛОУРЕНС. Кто тут что поломал? Я сейчас все тут починю!

Магда и Лаура лежат возле стола на полу.

ЛАУРА. Лоуренс, помоги нам, мы умираем.

ЛОУРЕНС. Я готов вас починить. Давайте мне ваши руки, я готов вас поднять на ваши ноги.

МАГДА. Я умираю, Лоуренс, мне очень больно.

ЛОУРЕНС. Я сейчас починю тебя, Магдалина.

ЛАУРА. И меня, Лауру, тоже почини, Лоуренс.

Лоуренс подходит к лежащим на полу женщинам, он наклоняется и протягивает им обе руки. Лаура и Магда берут его за руки. Лоуренс тянет их на себя. Магда и Лаура пытаются подняться на ноги, Лоуренс со всей силы дергает их за руки, но их руки выскальзывают из мокрых рук Лоуренса, и Лоуренс летит спиной назад, он падает на кресло, перелетает через кресло и падает на пол, а кресло падает на него сверху. Магда и Лаура тоже падают на пол. Наступает тишина.

ЛОУРЕНС (*лежа на полу*). Когда любишь, то всегда валяешься на полу, потому что земля уходит из-под ног.

ЛАУРА. Как красиво.

МАГДА (*лежа на полу*). Лоуренс, ты меня любишь?

ЛОУРЕНС. А ты кто?

МАГДА. Я твоя жена Магда.

ЛОУРЕНС. Сейчас я найду тебя, моя жена Магда.

Лоуренс медленно встает, делает несколько шагов в сторону лежащей на полу Магды. В это время Лаура также начинает вставать, ей удается подняться на колени.

МАГДА. Лоуренс! Мой принц Лоуренс! Мой бог, Лоуренс, сегодня я ведь стала твоей женой, Лоуренс, приди и забери меня к себе. Нам пора на брачное ложе, Лоуренс. У тебя есть брачное ложе, Лоуренс?

Лоуренс медленно пробирается к Магде, но на его пути возникает Лаура. Лоуренс и Лаура смотрят друг на друга.

ЛОУРЕНС. Да, у меня есть брачное ложе, Магда.

МАГДА. Оно у тебя с собой?

ЛОУРЕНС. Да, оно у меня всегда со мной.

ЛАУРА. Зачем ты меня бросил, Лоуренс?

ЛОУРЕНС. Послушай, Лаура, мы ведь уже говорили об этом, зачем ты снова...?

ЛАУРА. Я хочу знать, зачем ты меня бросил, Лоуренс?

ЛОУРЕНС. Мы ведь уже говорили на эту тему, зачем ты снова...?

МАГДА (*лежа на полу*). О чем вы уже говорили, ну скажите мне, о чем?!

ЛОУРЕНС. Лаура спрашивает, почему я ее бросил, что мне ей ответить, Магда?

МАГДА. Как это что? Скажи ей, что ты понял, что любишь меня. Мы же ей уже говорили об этом?

ЛОУРЕНС. Но она снова спрашивает?

МАГДА. Но тогда скажи ей еще раз и иди ко мне.

ЛОУРЕНС. Лаура, мне было хорошо с тобой все эти три года, что мы были вместе, но я понял, что я люблю твою подругу Магду, и вот сегодня мы

поженились. И напились по этому поводу. Мне кажется, мы уже говорили об этом?

ЛАУРА. Поцелуй меня, Лоуренс.

ЛОУРЕНС. Я не могу, я женат, моя жена лежит вон там на полу.

ЛАУРА. Поцелуй меня на прощанье, Лоуренс. Я отпустила тебя к своей лучшей подруге, и я прошу всего один последний поцелуй на прощанье.

ЛОУРЕНС. Ну, я должен спросить у Магды.

ЛАУРА. Ну так спрашивай скорее, Лоуренс.

ЛОУРЕНС. Магда, можно я поцелую...

МАГДА. Я все слышала, Лоуренс. Мой ответ – нет.

ЛАУРА. Ну, тогда я сама поцелую тебя на прощанье, и никто не сможет мне помешать.

Лаура подходит к Лоуренсу, она прижимается к нему всем своим телом.

ЛАУРА. Почему ты такой мокрый, Лоуренс?

ЛОУРЕНС. Потому что я принимал ванну, Лаура.

ЛАУРА. Кажется, ты забыл раздеться.

ЛОУРЕНС. Кажется, я вообще забыл обо всем.

Лаура целует Лоуренса в губы. Они сливаются в долгом и сладострастном поцелуе. Магда пытается встать на ноги, со второй попытки ей это удается. Магда стоит, раскачиваясь как маятник, она смотрит на целующихся Лауру и Лоуренса. Потом она медленно подходит к дивану и садится на диван.

МАГДА. «Почему ты такой мокрый, Лоуренс?» – «Потому что я ходил по воде и провалился в эту воду». – «Для чего ты выбрал меня, Лоуренс?» – «Потому что я люблю тебя всем своим существом, дорогая моя». – «А что такое любовь, Лоуренс?» – «Это такое состояние, в котором мне не страшно умереть, дорогая». – «Значит, тебе не страшно умереть, Лоуренс?» – «Нет, мне не страшно умереть, дорогая». – «Значит, ты скоро умрешь, Лоуренс?» – «Все мы скоро умрем, Магда». – «Значит у нас нет выбора?» – «Ни у кого нет выбора». – «Значит, все в этой жизни заранее решено?» – «Да, Магда, все в этой жизни заранее решено». – «Значит, то, что мы должны были встретиться и пожениться, это все было заранее решено, так?» – «Ну конечно, Магда, в этой жизни все заранее решено». – «И значит, то, что я увела тебя у своей лучшей подруги, это тоже было заранее решено, так?» – «Да, да, конечно, все было заранее решено». – «И то, что мы решили выпить втроем, и то, что мы пришли к Лауре домой? И то, что теперь она осталась одна, а ты уходишь ко мне, все это было заранее решено?» – «Абсолютно верно. В этом мире все дела и все события заранее решены».

Лоуренс и Лаура прекращают целоваться. Лоуренс отходит от Лауры и идет к Магде. Лаура остается стоять одна, она стоит, опустив голову, ее слегка качает. Лоуренс садится рядом с Магдой на диван.

МАГДА. А кто принимает все эти решения? Кто за нас все решает?

ЛОУРЕНС. Господь Бог, конечно, кто же еще.

МАГДА. Ты что веришь в Бога, Лоуренс?
ЛОУРЕНС. Думаю, да, Магда.
МАГДА. А почему ты такой мокрый, Лоуренс?
ЛОУРЕНС. Я ходил по воде и провалился в нее.

Лоуренс обнимает Магду, Лаура стоит там, где и была, она плачет.

Затемнение.

3. сцена

Ночь. Гостиная в доме Карла и Линды. Обстановка говорит о том, что это дом богатых людей. Диваны, стол, шкаф с выпивкой и сигарами, книжный шкаф. За столом сидят две пары. Судя по одежде, это состоятельные люди. Густав с женой Лорой и Карл с женой Линдой. Они очень сильно пьяны. На столе недопитая бутылка мартини, недопитая бутылка дорого коньяка, несколько специальных бокалов для мартини, несколько коньячных бокалов, несколько бокалов с водой.

ГУСТАВ. ...и тогда будь любезен и суди кота.
КАРЛ. Это еще почему, я не понимаю?
ГУСТАВ. Потому что кот преступник.
КАРЛ. Кот преступник?
ГУСТАВ. Да, кот преступник.
КАРЛ. Это еще почему кот преступник?
ГУСТАВ. Потому что он убил твою мать, дорогой ты мой.
КАРЛ. Что, что?!
ГУСТАВ. Да, вот так.
КАРЛ. Я с этим не согласен.
ГУСТАВ. Я заявляю это со всей ответственностью. Я со всей ответственностью заявляю – кот убил твою мать, Карл.
КАРЛ. Это не так, Густав.
ГУСТАВ. Это так, Карл, кот убил твою мать, это так и есть.
КАРЛ. Я с этим не согласен.
ГУСТАВ. А ты согласишься с этим, Карл.
КАРЛ. Хм? Но я не могу с этим согласиться.
ГУСТАВ. Почему, Карл?
КАРЛ. Потому что это какая-то чушь, то, что ты говоришь. Я не понимаю ни слова из того, что ты мне говоришь. Почему кот? Какой кот, Густав?
ГУСТАВ. Как какой кот, дорогой мой? Как это какой кот? Кот твоей матери, какой еще это может быть кот?
КАРЛ. Перестань, у моей матери не было никакого кота.
ГУСТАВ. Как это не было никакого кота?
КАРЛ. А вот так, не было никакого кота, вот так.
ГУСТАВ. Что ты такое говоришь, Карл? У нее был кот.
КАРЛ. У нее не было кота, Густав.
ГУСТАВ. Как это не было никакого кота? У нее был кот. Я сам его там видел. Я был у твоей матери полтора года назад и видел там кота. Там был кот.
КАРЛ. Ну допустим, у нее был кот...

ГУСТАВ. У нее был кот.

КАРЛ. Ну хорошо, хорошо, у нее был кот, ну и что из этого?

ГУСТАВ. То!

КАРЛ. Что?

ГУСТАВ. То!

КАРЛ. Что то?!

ГУСТАВ. То, то. То, что то. Что, кот был. И он убил твою мать.

КАРЛ. Но как кот может убить человека, объясните мне?

ГУСТАВ. Это твой вопрос?

КАРЛ. Да, это мой вопрос.

ЛОРА. И мой.

ГУСТАВ. Тогда вот вам ответ — аллергической астмой.

ЛИНДА. Bravo, Густав. Bravo!

Линда хлопает в ладоши.

КАРЛ. Какая чушь! Что ты говоришь, какая астма, дорогой мой?

ГУСТАВ. Твоя мать умерла от аллергической астмы. Она задохнулась, потому что у нее была аллергия. На что?

ЛИНДА. На кота.

ГУСТАВ. Вот, твоя жена тоже об этом знает. Кот убил твою мать, кот преступник.

КАРЛ. Какая чушь, я не хочу этого слушать, какая чушь!

ЛИНДА. Согласись, дорогой мой, признай, что Густав прав.

КАРЛ. Ни за что!

ЛИНДА. Но почему, дорогой мой?

КАРЛ. Почему? Почему? Да потому что у него нет аргументов, вот почему.

ГУСТАВ. Это у кого нет аргументов, это у меня нет аргументов?!

КАРЛ. Да, это у него нет аргументов.

ГУСТАВ. Это у меня нет аргументов?

КАРЛ. Да, это у него нет аргументов.

ГУСТАВ. А ну тогда скажи-ка мне, дружище, от чего умерла твоя мать, а?!

КАРЛ. Моя мать не умерла, она жива.

ГУСТАВ. Что, что?!

КАРЛ. Я тебе сказала, что. Моя мать не умерла, она жива.

ГУСТАВ. Что это ты такое там говоришь?

КАРЛ. То, что ты слышишь. Моя мать не умерла, она жива.

ГУСТАВ. Что ты говоришь, Карл, опомнись?!

КАРЛ. Это ты опомнись! Это ты опомнись, хоронить мою мать заживо, это ты опомнись! Моя мать жива!

ЛИНДА. Карл!

КАРЛ. Что, Карл?

ЛИНДА. Перестань, Карл.

КАРЛ. Моя мать жива, а вот он хочет ее похоронить заживо, хочет ее убить аллергической астмой вместе с каким-то паршивым котом. Моя мать жива! Я разговаривал с ней по телефону несколько минут тому назад.

ЛИНДА. Перестань, Карл!

КАРЛ. Я разговаривал с ней несколько минут назад по телефону.

ЛИНДА. Нельзя так говорить, Карл.

КАРЛ. Нельзя так говорить?! Нельзя так говорить? А это еще, интересно, почему?

ЛИНДА. Ты сам прекрасно знаешь, почему, дорогой мой.

КАРЛ. Еще раз тебе повторяю, моя мать жива, а ты заткнись, поняла?!

ГУСТАВ. Послушай, Карл, дружище...

КАРЛ. И ты заткнись, понял?! Заткнись, ты понял? Ни слова не говори о моей матери, ты понял? Ты меня понял? Ты меня понял?! Ты меня понял?!

Карл вдруг резко хватается руками за край стола и переворачивает стол, все, что есть на столе, летит на пол. Выпивка из бокалов и бутылок проливается всем на платья и костюмы. Женщины вскрикивают от неожиданности. Сбросив все, что было на столе на пол, Карл, сильно шатаясь, отходит в сторону. Все встают и, тоже сильно шатаясь, выходят из-за стола.

ЛИНДА. Зачем ты это сделал, Карл?

КАРЛ. Моя мать жива.

ЛИНДА. Послушай, дорогой мой, Густав и Лора - наши друзья, зачем ты хочешь их обидеть, не нужно, Карл?

КАРЛ. Моя мать жива.

ГУСТАВ. Послушай, дружище, давай поговорим с тобой как два старых добрых приятеля.

КАРЛ. Мы должны отвечать за каждое слово, которое выходит из нашего рта.

ГУСТАВ. Само собой, дружище...

КАРЛ. За каждое слово, которое выходит из нашего рта. Господь спросит с нас за каждое слово, которое вышло из нашего рта.

ГУСТАВ. Послушай, Карл...

КАРЛ. Нет, это ты послушай, приятель. Нет, это ты меня послушай, приятель. Господь спросит с нас за каждое слово, которое вылетело из нашего рта. За каждое слово!

Линда, Лора, Густав и Карл стоят друг напротив друга, каждого из них сильно шатает. Кажется, будто они танцуют старинный танец.

ГУСТАВ. Позволь мне кое-что тебе объяснить, приятель.

КАРЛ. Господь спросит с тебя за каждое слово, которое сейчас вылетит из твоего рта.

ГУСТАВ. Само собой.

ЛИНДА. Никто ни с кого не спросит, Карл, перестань.

КАРЛ. Господь спросит с нас за каждое слово, которое вылетело из нашего рта.

ЛИНДА. Никто ни с кого ничего не спросит, прекрати нести всю эту чушь, Карл. Не порти нам вечер своим глупым упрямством.

КАРЛ. Господь спросит с тебя за все твои слова, за все слова, которые вылетели из твоего рта

ГУСТАВ. Позволь мне кое-что объяснить тебе, Карл.

КАРЛ. Моя мать жива.

ЛИНДА. Боже мой, Карл, прекрати это повторять.

ЛОРА. Каждый может делать тоже самое, Карл. В этом нет ничего трудного, каждый так может делать. Я тоже сейчас могу начать без конца повторять, что мой отец, который умер три года назад, что он жив. Или что мой брат, которого убили год назад, что он тоже жив.

КАРЛ. Ты можешь повторять все, что ты хочешь, но моя мать жива, вот что я хочу сказать, и никто не убедит меня в обратном!

ЛОРА. Мой брат тоже жив, Карл.

КАРЛ. Ну и что?!

ЛОРА. А то, что его убили год тому назад какие-то арабы, зарезали его прямо у подъезда его дома. Безработные арабы ограбили его и убили. И что, я теперь тоже должна без конца повторять, что он жив?

КАРЛ. Ты можешь повторять то, что ты хочешь и сколько ты хочешь. Но моя мать жива, вот что я хочу сказать и все!

ЛОРА. Мой брат тоже жив, ну и что же?

КАРЛ. Ну и что же, моя мать жива, вот и все.

ЛОРА. Мой брат тоже жив, он живее всех, кто жив, ну и что же?

КАРЛ. Да ничего! Моя мать жива, вот и все.

ЛОРА. Мой брат жив, ну и что?

КАРЛ. Ну и что? Моя мать жива, ну и что?!

ЛОРА. Мой брат жив, ну и что?

КАРЛ. Моя мать жива, ну и что?

ЛОРА. Мой брат жив, ну и что? Ой, меня сейчас стошнит, мне нужно в туалет.

Линда, ты не могла бы проводить меня, я одна не дойду, помоги мне.

ЛИНДА. Ну конечно, конечно. Пойдем, я помогу тебе, я тоже хочу писать, идем скорее.

ЛОРА. Я хочу блевать.

ЛИНДА. И я тоже хочу блевать, так что идем скорее.

Линда берет Лору под руку, и они, сильно шатаясь, уходят в другую комнату. Карл кричит им вслед.

КАРЛ. Господь спросит с вас за каждое слово, которое вылетит из вашего рта.

ГУСТАВ. Сейчас я тебе все объясню, приятель. Я все объясню, и ты все поймешь. Дело в том, что ты и есть тот самый Господь, Карл, о котором ты говоришь. Ты и есть тот самый Господь, Карл. Я хочу, чтобы ты это услышал, то, что я тебе сейчас говорю. Ты и есть Господь, Карл. Ты Господь, Карл. Ты меня понимаешь, приятель?

Карл удивленно смотрит на Густава.

КАРЛ. Кажется, я тебя понимаю, приятель.

ГУСТАВ. Теперь-то ты меня понимаешь, приятель?

КАРЛ. Кажется, теперь-то я тебя понимаю, приятель.

ГУСТАВ. Ты и есть Господь, Карл, теперь-то ты меня понимаешь, дорогой мой?

КАРЛ. Кажется, теперь я тебя понимаю, приятель.

ГУСТАВ. Ты и есть Господь, вот что тебе нужно понять, дружище. Только это, дорогой мой, ты Господь, пойми только это, и все встанет на свои места.

КАРЛ. Кажется, теперь я тебя понимаю, приятель. На колени. Встань передо мной на колени, и целуй мне руку, Густав.

Густав кричит.

ГУСТАВ. Нет! Ты не понимаешь, Карл. Ты не понимаешь всего до самого конца, дружище. Я ведь тоже Господь Бог, приятель. Да, да, да. Я ведь тоже Господь Бог, приятель! Да, да, да, понимаешь. Я ведь тоже Господь Бог, дружище, понимаешь?

КАРЛ. Кажется, теперь я понимаю тебя, приятель. Ты, Господь Бог, дружище.

ГУСТАВ. Я Господь Бог, приятель. И ты Господь Бог, Карл. Понимаешь, теперь ты понимаешь, дорогой мой?

КАРЛ. Кажется, теперь я понимаю тебя, дорогой мой.

ГУСТАВ. Тогда дай я обниму тебя, дорогой мой.

КАРЛ. Обними меня, приятель.

Густав и Карл обнимают друг друга. Они стоят обнявшись, пытаются удержать равновесие. Их шатает из стороны в сторону.

ГУСТАВ. Ты Господь, и я Господь, понимаешь, дружище?

КАРЛ. Мы два Господа Бога на этой земле.

ГУСТАВ. Нет, Карл, мы один Господь на этой земле. Не два, а один.

КАРЛ. Но нас же двое, Густав?

ГУСТАВ. Нас двое, но Господь один. Ты Господь Бог и я Господь Бог, нас двое, но Господь один, понимаешь?

КАРЛ. Так кто же это из нас?

ГУСТАВ. Сейчас я тебе все объясню. Мы тело Господа, понимаешь? Ты и я, мы тело Господа. Все люди, которые живут на этой планете, все мы тело Господа, понимаешь? Ты, понимаешь, Карл?

КАРЛ. Не совсем, приятель.

ГУСТАВ. Ты тело Господа, ты это понимаешь?

КАРЛ. Нет.

ГУСТАВ. Ну что тут непонятного, Карл, все очень просто?! Господь – это бесконечность, это то, что не имеет ни начала, ни конца, но у него тоже есть форма, у него тоже есть тело. И это тело мы. Я, Линда, Лора, все остальные люди, ну и, конечно, ты, Карл. Ты тело Господа, Карл.

КАРЛ. Не нужно, не говори так, я не могу.

ГУСТАВ. Чего ты не можешь, Карл?

КАРЛ. Я не могу быть телом Господа, я очень плохой.

ГУСТАВ. Не выдумывай, Карл, все мы являемся телом Господа, и плохие, и хорошие.

КАРЛ. Только не я, Густав.

ГУСТАВ. Но почему?

КАРЛ. Потому что я плохой.

ГУСТАВ. Мы все являемся телом Господа, понимаешь, все. Тем более, ты не такой уж и плохой, дружище.

КАРЛ. Я плохой.

ГУСТАВ. Ты не плохой, Карл.

КАРЛ. Я плохой.

ГУСТАВ. Ты не плохой.

КАРЛ. Плохой.

ГУСТАВ. Не плохой.

КАРЛ. Я спал с твоей женой, Густав.

ГУСТАВ. Что?

КАРЛ. Несколько лет тому назад я переспал с твоей женой, Густав.

ГУСТАВ. Что ты такое говоришь, Карл?

КАРЛ. Это правда, приятель, я это сделал. Мне очень, очень стыдно. Я живу с этим уже много лет, и все это время мне тяжело смотреть тебе в глаза. Я давно уже хотел сказать тебе об этом, но я не мог решиться. Я плохой, Густав. Я очень, очень плохой. Я не могу быть телом Господа Бога, мне иногда кажется, что я не достоин быть телом человека, а может, даже и животного. Я сам себе противен, я очень сильно сам себе противен, Густав. Вот такие дела, вот такие дела, дружище.

Пауза. Входят Лора и Линда. Лора подходит к Густаву, а Линда к Карлу. Обе дамы берут своих мужей под руки.

ЛОРА. Мне кажется, нам уже пора домой, дорогой. Я что-то сильно устала сегодня.

ЛИНДА. Да-да, нам, кажется, тоже нужно поспать.

ГУСТАВ. Одну минуту, дорогие дамы, я должен кое-что объяснить нашему Карлу, я хочу, чтобы он кое-что понял. Мы тут с ним еще не договорили.

Понимаешь, дорогой Карл, а ведь это не важно, какой ты человек, Карл, плохой или хороший. Это не имеет никакого значения, потому что ты все равно Господь Бог. Кем бы ты ни был, Карл, ты все равно являешься телом Господа, все равно. Понимаешь, Карл? Кем бы ты ни был, ты тело Господа, понимаешь? Ты понимаешь, о чем я, Карл?

КАРЛ. Кажется, я начинаю понимать тебя, Густав.

ГУСТАВ. И моя жена Лора, каким бы человеком она ни была, и твоя жена Линда, все мы являемся телом Господа Бога. И ты, и она, и Лора, и я, все мы тело Господа, понимаешь, о чем я, Карл?

КАРЛ. Кажется, я понимаю, о чем ты, дружище.

ЛОРА. Я не понимаю, о чем ты. Что это за странная философия, что это такое, Густав?

ГУСТАВ. Ты Господь Бог, Лора, ты тело Господа Бога, понимаешь? Ты Господь Бог, Лора. И Линда тоже Господь Бог, и я Господь Бог, и даже наш очень-очень плохой Карл, он тоже Господь Бог. Все мы Господь Бог. И даже арабы, убившие и ограбившие твоего брата, Лора, – это тоже Господь Бог, вот что это за философия, дорогая моя Лора.

ЛОРА. Не смей называть Богом убийц моего брата, Густав.

ГУСТАВ. Все мы Господь Бог, Лора, и те, кто убивают нас в этом странном мире, все тоже, тоже, тоже, тоже...

ЛОРА. Звучит очень впечатляющее, особенно в три часа ночи, после такого количества выпитого сегодня. И на этом, я думаю, нам пора закончить этот

вечер, дорогой мой. Идем домой, нас там ждем наша постель, пойдем положим туда наши усталые, пьяные тела Господа.

ЛИНДА. Красиво сказано.

КАРЛ. Очень.

ГУСТАВ. Нам, кажется, действительно пора, дорогие вы наши, Линда и Карл.

ЛОРА. Густав, как всегда, отпустил своего водителя, так что нам придется пройти пешком.

ЛИНДА. Водитель Карла вас отвезет, правда, Карл?

КАРЛ. Я тоже отпустил своего водителя, дорогая, так что нам тоже придется пройти пешком.

ГУСТАВ. Лично я ужасно этому рад, потому что нельзя же уснуть в таком ужасном состоянии.

ЛОРА. Дорогой, ты прекрасен.

ГУСТАВ. Ты тоже, дорогая моя.

ЛОРА. Карл, Линда, вы прекрасны.

ГУСТАВ. И сегодня был прекрасный вечер. Дайте-ка я обниму вас на прощанье!

Густав обнимает Карла и Линду. Лора по очереди целует Карла и Линду.

ГУСТАВ. Спокойной ночи, Карл, спокойной ночи, Линда. Всего вам хорошего, до свидания.

КАРЛ. До свидания, Густав. До свидания, Лора.

ЛИНДА. До свидания, Густав. Привет, Лора.

ЛОРА. Спокойной ночи, пока, пока.

Густав и Лора уходят. Карл устало подходит к столу и садится на стол. Линда садится рядом с ним.

ЛИНДА. Надо же, я никогда в жизни так не напивалась, как это произошло, Карл?

КАРЛ. Если честно, то в последний раз я так напился на выпускном вечере в университете.

ЛИНДА. И странно, что мы так напились, отмечая годовщину смерти твоей матери, которая вообще терпеть не могла спиртное. Как же это так получилось? А еще этот idiotский разговор о коте, который убил твою мать, надеюсь, ты не сильно обиделся на Густава, Карл?

КАРЛ. О чем ты, Линда?

ЛИНДА. Я об этой дурацкой версии, будто кот убил твою мать, которую выдвинул Густав.

КАРЛ. Никто не убивал мою мать, Линда, она жива.

ЛИНДА. Карл!

КАРЛ. Моя мать жива, Линда.

ЛИНДА. Ну что ты такое говоришь, Карл?!

КАРЛ. Моя мать жива, вот и все, что я говорю, дорога моя!

ЛИНДА. О господи, Карл!

Карл встает и идет к выходу.

ЛИНДА. Ты куда, Карл?!

КАРЛ. Мне нужно пройтись.

ЛИНДА. Подожди, я с тобой, Карл.

Выходит из дома, Линда уходит за ним.

Затемнение.

4. сцена

Ночь. Кухня в ресторане. Ресторан давно закрыт, но на кухне среди вымытой посуды, (кастрюль, больших и маленьких ножей и другой кухонной утвари) собралась компания из пяти человек. Четверо мужчин: Макс, Рудольф, Габриель и Матиас. И с ними молоденькая девушка, ее зовут Роза. Все очень сильно пьяны.

Роза сидит на разделочном столе, у нее в руках бокал шампанского, рядом с ней, тоже с бокалом шампанского в руке, стоит Рудольф. Его сильно шатает, поэтому одной рукой он держится за тонкую блестящую трубу, на которой висят чистые кастрюли.

Макс и Габриель сидят на столе у посудомоечного стола. Габриель в правой руке держит открытую бутылку шампанского, наливает себе и Макс. Шампанское переливается через края их бокалов и заливает их костюмы.

Матиас, сильно шатаясь, подходит к большому холодильнику, открывает дверь и долго смотрит на то, что там внутри.

РОЗА. Никто не может хотеть от меня большего, чем я могу, поэтому вам нужно заткнуться, господин судья.

РУДОЛЬФ. Это очень смешно, очень смешно, то, как ты это говоришь, а кто это сказал?

РОЗА. Никто не может хотеть от меня большего, чем я могу, поэтому вам нужно заткнуться, господин судья, – это сказала героиня вот этого фильма, который я не помню, как называется, который я посмотрела сегодня днем.

РУДОЛЬФ. Ну-ка повтори-ка, повтори-ка мне еще раз, ну-ка повтори-ка это еще раз!

РОЗА. Никто не может хотеть от меня большего, чем я могу, поэтому вам нужно заткнуться, господин судья.

РУДОЛЬФ. Это очень смешно, Макс, ты слышишь, что она говорит, это очень смешно?! Ну-ка повтори-ка это еще раз для Макса, он завтра женится, пускай хотя бы сегодня в последний раз посмеется.

РОЗА. Никто не может хотеть от меня большего, чем я могу, поэтому вам нужно заткнуться, господин судья.

РУДОЛЬФ. Это очень смешно, это очень смешно, то, что она говорит, ты слышишь, Макс? Ты можешь посмеяться в свой последний холостяцкий вечер, завтра тебе уже будет не до смеха. Ты это слышишь?

МАКС. Я все слышу.

ГАБРИЕЛЬ. Я тоже все слышу.

РУДОЛЬФ. Это же очень смешно, правда? Из какого это фильма, я хочу его посмотреть?

РОЗА. Это я сегодня днем посмотрела на кинофестивале, но я не помню, как этот фильм называется, иранский фильм, не помню, как называется, иранского режиссера, я не помню его фамилию, я вообще ничего не запомнила в этом фильме, кроме этой фразы.

РУДОЛЬФ. Ну, скажи, скажи еще раз, мы сейчас еще раз тут посмеемся, ну-ка...

РОЗА. Никто не может хотеть от меня большего, чем я могу, поэтому вам нужно заткнуться, господин судья.

Рудольф пытается смеяться, но у него не получается, тогда он начинает изображать, что смеется, но выходит очень фальшиво и даже страшно.

РУДОЛЬФ. О господи, как смешно! Ха, ха, ха... Послушай, Макс, это так смешно! Ха-ха-ха!

Матиас смотрит в открытый холодильник.

МАТИАС. А почему это, Макс, я нигде здесь не вижу никакого мяса?

МАКС. Потому что.

МАТИАС. Потому что что?

МАКС. Потому что то.

МАТИАС. Что то? Я говорю, что я нигде тут не вижу никакого мяса, нигде!

МАКС. Потому что это вегетарианский ресторан.

МАТИАС. Да? И что это значит?

МАКС. То, что здесь нет и не может быть мяса. Потому что здесь вегетарианский ресторан.

МАТИАС. А почему это, интересно, здесь этот вегетарианский ресторан?

МАКС. Потому что.... Мы в ресторане моих родителей.

МАТИАС. И это все объясняет?

МАКС. И это все объясняет.

МАТИАС. Что это объясняет? Ничего это не объясняет. Где мясо, Макс?

МАКС. Это объясняет то, что мои родители вегетарианцы, и они открыли вегетарианский ресторан.... В вегетарианском ресторане не может быть мяса.

Вот что это объясняет.

МАТИАС. А кому он нужен, такой ресторан, где нет ни куска мяса?

МАКС. Он нужен тем, кто не ест мяса, вегетарианцам.

МАТИАС. А кому нужны те, кто не ест мяса?

ГАБРИЕЛЬ. Господу Богу, Матиас. Господу Богу нужны те, кто не ест мяса. Бог любит вегетарианцев, а мясоедов он отправляет в ад.

РОЗА. Это неправда.

ГАБРИЕЛЬ. Правда.

РОЗА. Неправда.

РУДОЛЬФ. Ты же проститутка, откуда ты можешь знать, что правда, а что нет?

РОЗА. Может, я и проститутка, но я знаю, что правда, а что нет.

РУДОЛЬФ. Откуда?

РОЗА. Из жизни.

РУДОЛЬФ. Из какой жизни? Из жизни проститутки?

РОЗА. Я хожу в кино.

РУДОЛЬФ. А, ну тогда понятно!

Матиас продолжает стоять у открытого холодильника и осматривать его содержимое.

МАКС. А зачем вы привели с собой проститутку?

МАТИАС. Чтобы съесть.

МАКС. Я же вам говорил, что не нужно никого сюда приводить, это же ресторан моих родителей, тем более проститутку!

РУДОЛЬФ. Это же твой последний холостяцкий вечер, Макс. Это же мальчишник, а какой мальчишник без проститутки?

МАКС. Я не просил вас приводить с собой проститутку, тем более в ресторан моих родителей.

ГАБРИЕЛЬ. Перестань, Макс, везде есть место для любви, тем более в вегетарианском ресторане.

МАТИАС. Мне хочется мяса, я предлагаю съесть эту проститутку, поджарить вот на этой вот сковороде.

Матиас закрывает холодильник и идет к стене, на которой висит большая сковорода. Матиас пытается снять сковороду со стены.

РУДОЛЬФ. Не бойся, я тебя не дам в обиду, ты под моей защитой.

РОЗА. Никто не в состоянии защитить нас от любви, моя прекрасная Гульбахар.

РУДОЛЬФ. Что, что?

РОЗА. Это другая фраза из фильма, который я сегодня смотрела. Случайно всплыла в моей голове.

МАКС. Для чего вы привели сюда проститутку, это же ресторан моих родителей, пусть она уходит?!

ГАБРИЕЛЬ. Чтобы любить, Макс.

МАТИАС. Чтобы съесть.

Матиас снимает сковороду со стены, но она оказывается тяжелее, чем он рассчитывал, под весом сковороды Матиас делает несколько шагов назад и падает на спину.

МАТИАС. А! Чтоб тебя... твою мать...

МАКС. Ты жив, Матиас?

МАТИАС (*лежа на полу*). Будь он проклят, твой вегетарианский ресторан!

МАКС. Ты не смеешь так говорить о моих родителях!

ГАБРИЕЛЬ. Он не говорит о твоих родителях, он говорит о ресторане.

МАКС. Это одно и то же.

Матиас встает, в руке он держит сковородку.

МАТИАС. Все вегетарианцы скрытые фашисты. Нормальный человек не станет отказываться от мяса, это делают только извращенцы.

Макс подходит к Матиасу.

МАКС. Мои родители не извращенцы.

МАТИАС. Тогда почему они не едят мяса?

МАКС. Потому что они вегетарианцы.

МАТИАС. Это одно и то же.

МАКС. Ах, ты!

Макс замахивается и хочет ударить Матиаса по лицу, но тот успевает защититься сковородой, так что Макс со всей силы бьет по сковороде. Макс вскрикивает от боли, трясет рукой, скрючивается и падает на пол. Габриель кричит и бросается на Матиаса.

ГАБРИЕЛЬ. А-а-а-а-а-а-а!!!

Габриель сшибает Матиаса с ног, и они вместе летят в дальний угол кухни, сшибая по пути стол с кастрюлями и столовыми приборами, все с шумом летит на пол. Габриель и Матиас падают на стол с коробками с едой, катятся по столу, опрокидывают все коробки и пакеты на пол и сами также падают на пол. При падении они оба вскрикивают и потом затихают.

Воцаряется тишина, только слышно, как в тишине стонет Макс.

РУДОЛЬФ. Как тебя зовут, Роза?

РОЗА. Меня зовут, Роза.

РУДОЛЬФ. А как твое настоящее имя, тогда, когда ты не проститутка, то тогда как тебя зовут?

РОЗА. Меня всегда зовут Роза.

РУДОЛЬФ. И даже когда ты не проститутка, ты все та же Роза, как и сейчас?

РОЗА. Я всегда Роза.

РУДОЛЬФ. Это странно.

РОЗА. Никто не в состоянии защитить нас от любви, моя прекрасная Гульбахар.

Макс встает с пола, шатаясь, идет к столу, на котором стоят бутылки с водой и выпивка. Макс берет полторалитровую бутылку с водой и долго пьет, выпивает полбутылки. Габриель и Матиас тоже приходят в себя, они помогают друг другу встать на ноги. Поднявшись, они медленно, сильно шатаясь, идут к столу, где стоит Макс. Они подходят к Макс, Макс протягивает Матиасу бутылку с водой, Матиас пьет. Выпив все, что там было, Матиас выбрасывает бутылку куда-то в сторону и подходит к Макс. Они обнимаются. Габриель пьет воду из другой бутылки.

РУДОЛЬФ. Сколько ты стоишь, Роза?

РОЗА. Вы же знаете, сколько я стою, – пятьдесят евро с человека в час. Кстати, мы здесь уже три часа, и мне скоро пора домой.

РУДОЛЬФ. Ну почему ты себя так дешево ценишь, Роза?

РОЗА. Вы хотите заплатить мне больше? Пожалуйста, я не против.

РУДОЛЬФ. Ну почему ты себя так дешево ценишь, Роза? Так дешево? Почему?!

РОЗА. Никто не в состоянии защитить нас от любви, моя прекрасная Гульбахар.

РУДОЛЬФ. Мой вопрос – почему ты так дешево себя ценишь, Роза?

РОЗА. Никто не может хотеть от меня большего, чем я могу, поэтому вам нужно заткнуться, господин судья.

РУДОЛЬФ. Завтра я обязательно пойду и посмотрю этот фильм, пока кинофестиваль не закончился. Ты пойдешь в кино, Габриель?

ГАБРИЕЛЬ. Я уже в кино.

Макс и Матиас отходят друг от друга. Макс садится на стол, Матиас стоит рядом. Габриель подходит к Розе и Рудольфу.

ГАБРИЕЛЬ. Любовь к спиртному – это та же самая любовь, что и любовь матери к сыну. Та же самая, что и любовь монаха к Господу. Это все та же самая любовь. Любить пончики с маком – это то же самое, что любить своего ближнего. Любовь к сладкому – это то же самое, что и любовь к Богу. Любить жаренное мясо и любить Иисуса – это одно и то же. Главное любить!

РОЗА. Я тоже так думаю, точно так же, как и вы.

ГАБРИЕЛЬ. Это не я так думаю, а мой брат. Мой брат священник, и я постоянно слушаю все эти его рассказы о том, что мы есть любовь. Ты есть любовь, он есть любовь, они вон, Макс и Матиас, они тоже есть любовь. Мой брат так говорит, он католический священник, он так говорит.

РОЗА. Я верю в Бога.

ГАБРИЕЛЬ. Бог есть любовь, слон есть любовь, торт есть любовь, крыса есть любовь, Бен Ладен есть любовь, проститутка есть любовь. Все есть любовь. Мой брат так говорит.

РУДОЛЬФ. Ну, что ты несешь всякую чушь, Габриель, твой брат не может так говорить, никакой священник так не скажет, что это за чушь. Я знаю священников, они никогда такого не скажут, что слон есть любовь. Ни один священник так не скажет.

ГАБРИЕЛЬ. А мой брат так говорит.

РУДОЛЬФ. Это странно. Мне кажется, ты все придумываешь сейчас специально, чтобы здесь показать себя перед нами. Не думаю, чтобы твой брат говорил подобную чушь.

ГАБРИЕЛЬ. А если мы сейчас позвоним ему и спросим?

РУДОЛЬФ. Ну перестань, не будем мы никому звонить, уже глубокая ночь.

ГАБРИЕЛЬ. Мой брат, католический священник, говорит, что все есть любовь, абсолютно все. Кастрюли есть любовь, ножи, голуби, какашки, виски, блевотина, Иисус, ангелы, жвачка, деньги, пьяная проститутка, грязные вонючие носки – все есть любовь. Мой брат, католический священник, так говорит.

МАТИАС. А он случайно не из тех, кто соблазняет молоденьких мальчиков и о ком пишут в газетах?

ГАБРИЕЛЬ. Ты что, думаешь, я позволю тебе оскорблять моего брата?

Габриель с угрожающим видом идет на Матиаса, между ними встает Макс.

МАКС. Тише, тише. У Габриеля нет никакого брата, он шутит.

МАТИАС. Я знаю, что у него нет никакого брата, я и сам шучу.

Матиас и Габриель расходятся по сторонам.

ГАБРИЕЛЬ. Мой брат говорит, что мы должны услышать шепот Господа в своем сердце. Каждый из нас должен услышать шепот Господа в своем сердце. Мой брат говорит....

МАТИАС. У тебя нет никакого брата, заткнись.

ГАБРИЕЛЬ. Ты должен услышать шепот Господа в своем сердце, вот что мой брат просил передать тебе.

МАТИАС. Идиот!

РОЗА. Я знаю, о чем он говорит, он не идиот. Я слышу шепот Господа в своем сердце. Не всегда, но иногда бывает, что слышу.

РУДОЛЬФ. Ты же проститутка, Роза, ты не можешь так говорить.

РОЗА. Но я слышу. Я честное слово, иногда слышу шепот Господа в моем сердце.

РУДОЛЬФ. Почему проститутки всегда так религиозны?

ГАБРИЕЛЬ. Мой брат католический священник, говорит, что каждый хоть раз в жизни да слышал шепот Господа в своем сердце, но мало кто может в этом признаться.

МАТИАС. У тебя нет никакого брата, что ты несешь.

ГАБРИЕЛЬ. Мы все слышим шепот Господа в нашем сердце, но мы просто скрываем это, скрываем это даже от самих себя.

РОЗА. Это правда, это правда, твой брат абсолютно прав.

МАТИАС. Да нет у него никакого брата, о чем тут речь?!

МАКС. О том, что моя невеста тоже слышит этот шепот, и мои родители часто повторяют мне, что они тоже слышат шепот Господа в своих сердцах.

МАТИАС. Ну конечно, они же вегетарианцы, они еще не такое могут услышать.

МАКС. Но я и моя невеста, мы не вегетарианцы, но мы тоже это слышим, хотя мы и едим мясо.

МАТИАС. Что вы там слышите, Макс?

МАКС. Шепот Господа в своем сердце.

ГАБРИЕЛЬ. Все мы слышим шепот Господа в своем сердце, только не признаемся в этом даже самим себе.

МАКС. Я сейчас признался. Я иногда слышу шепот Господа в своем сердце, хоть я и не верю в Бога, и хоть я и не вегетарианец.

РУДОЛЬФ. Ну, если уж на то пошло, то я тоже не верю в Бога. А особенно я не верю в то, что говорят католические священники, не хочу обидеть твоего брата, Габриель.

МАТИАС. У него нет брата.

РУДОЛЬФ. Я знаю, что у него нет брата, но дело же не в этом, а в том, что хотя я и не верю в Бога, но я тоже иногда слышу шепот Господа в своем сердце.

РОЗА. Да-да. Это иногда бывает так отчетливо. Твой брат прав.

РУДОЛЬФ. Да-да, твой брат прав!

МАТИАС. Вы что, решили поиздеваться надо мной, у него же нет брата, как он может быть прав. Что вы вообще тут такое говорите?!

МАКС. Послушай, Матиас. Мы все тут приятели, и давайте говорить начистоту. Все мы хоть иногда, да слышим шепот Господа в своем сердце, и не нужно делать вид, что ты не понимаешь, о чем мы. Признайся, что и ты его слышишь?

МАТИАС. Я взрослый человек.

ГАБРИЕЛЬ. В том-то все и дело, старина. Мой брат, католический священник, говорит, что первый признак взросления – это то, что человек начинает слышать шепот Господа в своем сердце. Дети его не слышат. Они еще не прислушиваются к самим себе, они и так счастливы. А мы уже не можем найти

себе счастье в окружающем нас мире, поэтому с каждым годом мы все чаще закрываем глаза и прислушиваемся к себе, к тому, что там у нас внутри, и вот тогда мы слышим шепот Господа в нашем сердце.

РОЗА. Я чаще всего слышу шепот Господа в своем сердце по утрам, когда прихожу с работы.

РУДОЛЬФ. Ты еще где-нибудь работаешь?

РОЗА. Нет. Только на этой работе. Но я так устаю, что прихожу домой почти без сил и падаю на кровать. И вот тогда я слышу шепот Господа в своем сердце.

МАКС. Габриель, твой брат смелый человек, он называет вещи своими именами, он говорит о том, о чем все мы боимся сказать вслух. Мы все слышим шепот Господа в своем сердце, но нам стыдно в этом признаться. Уверен, что Матиас тоже его слышит. Ну, Матиас, давай, сделай это, скажи, что я прав.

МАТИАС. Но ведь это очень глупо.

ГАБРИЕЛЬ. Не бойся, мы никому об этом не расскажем.

РУДОЛЬФ. Никто на твоей работе не узнает, что ты слышишь шепот Господа в своем сердце, хотя они все его тоже слышат.

МАТИАС. Да вы просто напились и сошли с ума.

МАКС. Мы напились и признались себе в том, в чем не можем признаться на трезвую голову.

МАТИАС. Но учтите, завтра я буду все отрицать.

РУДОЛЬФ. Так ведь мы тоже.

ГАБРИЕЛЬ. Я не буду. Я не предам убеждения своего родного брата.

МАТИАС. У тебя нет брата.

ГАБРИЕЛЬ. Ну и что?!

МАКС. Давай, Матиас, сделай это, признайся, что ты тоже слышишь шепот Господа в своем сердце.

МАТИАС. Да вы просто ублюдки.

МАКС. Да, мы ублюдки, но мы слышим шепот Господа в наших сердцах, и ты его слышишь, но боишься признаться в этом, боишься стать самим собой хотя бы на один миг.

ГАБРИЕЛЬ. Давай, Матиас.

РУДОЛЬФ. Не будь бабой и соплей.

МАТИАС. Что-что?!

РУДОЛЬФ. Будь настоящим мужиком, признай, что слышишь голос Господа в своем сердце.

Матиас смотрит на всех и напряженно думает.

МАТИАС. Ну хорошо.

МАКС. Что хорошо? Ты скажи об этом вслух.

МАТИАС. Что сказать?

МАКС. Не глупи, Матиас. Скажи вслух, что ты слышишь шепот Господа в твоём сердце.

МАТИАС. Я слышу шепот Господа в своем сердце. Какой кошмар, давно я так не напивался, как сегодня.

ГАБРИЕЛЬ. Ну вот, видишь, как это оказалось просто.

МАКС. Я, гребаный операционный менеджер банка, слышу шепот Господа в своем сердце, мать твою. И это не шутка, мать твою. Завтра я женюсь, и вот это уж точно никакая не шутка, и если бы не этот шепот Господа в моем сердце, я давно бы уже свалил из этого мира куда подальше.

МАТИАС. Ну, ладно, ладно я тоже его слышу, хотя я в гробу видал, все эти ваши разговоры о Боге. В гробу я видал вашего Бога. Но я слышу его шепот, мать вашу, я слышу его шепот, мать вашу. Я слышу шепот Господа в своем сердце, мать вашу. Он шепчет, шепчет, шепчет у меня внутри, этот Господь.

РУДОЛЬФ. Я слышу шепот Господа по утрам, за несколько минут до того, как зазвонит этот ебаный будильник. Я всегда просыпаюсь за несколько минут, и до этого страшного звонка, я лежу и думаю о том, что мне снова идти в этот ебанный офис, мне снова весь день звонить по своему ебанному телефону, мне снова видеть все эти ебанные лица, и вот тогда я начинаю слышать шепот Господа в своем сердце.

ГАБРИЕЛЬ. Мой брат, католический священник, говорит, что Господь никогда не перестает шептать нам, никогда. Он ни на секунду не умолкает. И я знаю, это потому, что в моей жизни бывают такие дни, что ничто не в состоянии вернуть мне смысл. Ничто не в состоянии вернуть мне смысл. Ничто не в состоянии вернуть мне смысл, и только шепот Господа...

МАТИАС. Только шепот Господа, твою мать.

ГАБРИЕЛЬ. Только шепот Господа! Шепот Господа, похожий на плач.

РОЗА. Да, да, да! Потому что когда Он шепчет, то мне тоже кажется, что Он плачет.

МАКС. Точно-точно, Он плачет.

РУДОЛЬФ. Да, именно. Господь плачет в моем сердце, это и есть Его шепот.

МАТИАС. Да, это скорее плач, этот шепот Господа в моем сердце – это плач.

ГАБРИЕЛЬ. Тихо! И вот наступает момент, когда мы можем послушать шепот Господа в наших сердцах. Идите все сюда. Ничего не говорите, просто подойдите.

Все собираются вместе на середине кухни и обнимаются.

ГАБРИЕЛЬ. Мой брат, католический священник, говорит, что особенно полезно слушать шепот Господа в коллективе. Обнимемся. Тихо! Слушаем шепот Господа в нашем общем сердце.

Все молча стоят обнявшись. Наступает тишина. Никто не издает никаких звуков. Через некоторое время раздается всхлипывание, это плачет Роза. Еще через несколько секунд начинает плакать Рудольф, за ним начинает плакать Макс, к их плачу присоединяется плач Габриеля и Матиаса. Все стоят посреди кухни обнявшись и плачут. Ночь. В тишине раздается всхлипывание четверых пьяных мужчин и одной пьяной женщины, это шепот Господа.
Затемнение.

II АКТ

1. сцена

Ночь, улица. На улице, на ступеньках у дверей какого-то ресторана, который давно закрыт, сидит Марта. Она вся в засохшей грязи. Марта сидит, опустив вниз голову, и что-то бормочет себе под нос. Входят Густав и Лора. Они проходят мимо Марты, но вдруг останавливаются. Густав оставляет Лору и делает несколько шагов в сторону Марты.

ГУСТАВ. Девушка, вам нужна какая-нибудь помощь?

Марта медленно поднимает голову и смотрит на Густава, пытаясь понять, что от нее хотят.

ГУСТАВ. Девушка, вы меня слышите, с вами все в порядке?

МАРТА. Здравствуйте.

ГУСТАВ. Здравствуйте. Я спрашиваю, у вас все хорошо?

МАРТА. Здравствуйте. Открываю секрет. Я вас люблю.

ГУСТАВ. Да?

МАРТА. Да! Я вас люблю.

ГУСТАВ. О! Как это неожиданно!

МАРТА. Я вас люблю.

ГУСТАВ. О, как это неожиданно! Я, признаюсь, не был готов к такому признанию.

Густав подходит к Марте.

ЛОРА. Что ты делаешь, Густав? Зачем ты с ней связываешься, пойдем домой?!

ГУСТАВ. Подожди, Лора, я, кажется, встретил женщину, которая меня любит.

ЛОРА. Что ты несешь, Густав? Перестань, не связывайся, я прошу тебя, пойдем.

ГУСТАВ. Прости, Лора, но как я могу уйти после того, что только что произошло между мной и этой девушкой?

МАРТА. Я ждала тебя, чтобы сказать тебе: я люблю тебя.

ГУСТАВ. Ну надо же, а?! Как это неожиданно произошло? Правда, я женат.

МАРТА. Твоя жена ничего не узнает, она спит.

ГУСТАВ. Нет, моя жена тут, она не спит.

МАРТА. Она спит.

ГУСТАВ. Кажется, я понимаю, о чем ты. Она спит. А что еще?

Марта встает и, шатаясь, подходит к Густаву, встает напротив него. Густав и Марта смотрят друг на друга.

ЛОРА. Что ты делаешь, Густав, ты с ума сошел? Зачем ты дразнишь эту бедную девушку, она же не в себе! Ты что, не видишь? Оставь ее, пойдем, я замерзла, я хочу домой, Густав!

ГУСТАВ. Подожди, Лора. Мне кажется, я встретил ту, которая меня любит, извини.

Лора подходит к Густаву и Марте.

ЛОРА. Пойдем домой, Густав, не нужно так поступать со мной, я этого не заслужила. Пойдем. Девушка, оставьте нас в покое, хорошо?

МАРТА. Не могу, я люблю вашего мужа.

ЛОРА. Господи, какой кошмар! Густав, эта девушка больна, ты ей ничем не поможешь, пойдем, я прошу тебя, пойдем.

Лора тянет Густава за рукав куртки, но Густав слегка отталкивает от себя Лору. Густав и Марта, не отрываясь, смотрят друг на друга.

ГУСТАВ. Подожди, Лора. Разве ты не видишь, что тут сейчас происходит?

ЛОРА. Я прекрасно вижу, что тут сейчас происходит, вижу, как ты издеваешься надо мной, не понимаю только, чем я это заслужила, такое твое отношение ко мне?

Густав и Марта не отрываясь смотрят друг на друга.

ГУСТАВ. Подожди, Лора.

МАРТА. Я люблю твоего мужа, Лора. Он тот самый мужчина, которого я ждала всю жизнь.

ГУСТАВ. Надо же?! Я и подумать не мог, что это произойдет именно сегодня. Как тебя зовут?

МАРТА. Марта. Меня зовут Марта, а тебя зовут Густав, я знаю. Я люблю тебя, Густав.

ГУСТАВ. Я, признаться, не был готов к этому. Я вижу, что это как раз то, о чем я так долго думал. Ведь это именно то, о чем я так долго думал, правда?

МАРТА. Правда, это именно то, Густав.

ЛОРА. Господи, зачем ты так со мной поступаешь, Густав? Тебе будет очень стыдно завтра утром. Я тебя прошу, остановись, прекрати все это, Густав, пойдем домой!

МАРТА. Любовь – это когда все просыпается у тебя внутри, каждая клетка твоего организма. Пока ты не любишь, ты спишь. А когда любишь, то пробуждаешься ото сна, и весь мир кажется тебе наполненным этой энергией, которую ты раньше не замечал. Я люблю тебя, и это означает, что я больше не сплю, это означает, что я только сейчас начинаю жить полной жизнью. Твоя любовь соединяется с моей, и в мире становится все больше и больше любви.

ГУСТАВ. Точно! Что-то просыпается в моем сердце, во всем моем организме, это необъяснимая энергия, ее становится все больше и больше. Это все меняет. Это все меняет и внутри, и вокруг. Твоя любовь пробуждает мою любовь, и все это выходит наружу и пробуждает любовь всех остальных!

ЛОРА. Вы что, с ума сошли, что вы такое говорите? У вас же у обоих белая горячка! И у тебя, Густав, тоже! Подождите, я сейчас позвоню в «Скорую помощь», она приедет, вам поставят специальные уколы, и вы вернетесь обратно.

Лора начинает искать в своей сумочке мобильный телефон.

МАРТА. И каждое событие в моей жизни с этого момента теперь выглядит по-другому, потому что я знаю, что все вокруг меня пребывает в любви. Я не замечала этого, потому что я не любила. Мне казалось, столько говна и столько горя вокруг меня. Я видела одно говно, мне казалось, что вся эта страна – это все одно сплошное говно. Что все эти мои сверстники, все эти мои друзья, все они такое говно, все они все время говорят о таком говне, все это такая блевотина, весь этот мир такая блевотина. Мне везде, блядь, было невыносимо, мои родители, блядь, никого не любят, мой парень просто тупой недоношенный ублюдок, ни в чем нет никакой жизни, все вокруг мертвое, все из какого-то пластилина или пластмассы, ни в ком нет жизни, никто ни хуя не чувствует, никто, блядь, не чувствует самого главного, никто не чувствует, что происходит, я думала, нахера мне вообще жить в этом, блядь, резиновом мире, с этими, блядь, пластиковыми людьми, которые только жрут, трахаются и спят? Я думала, что во всем этом нет ни капли смысла, а теперь я вижу, что смысл есть, Густав. Смысл в любви, Густав. Теперь я встретила тебя, Густав, и я поняла, что главное во всем этом – это любовь, потому что во всем этом, оказывается, есть любовь. Потому что жизнь есть любовь. Оказывается, жизнь есть любовь. Оказывается, любовь – это и есть жизнь. Если ты любишь, ты живешь, если ты не любишь, ты спишь или живешь в говне. Мир всегда такой, какой он есть, важно только умеешь ты любить или нет. Не важно, какой мир, важно только, умеешь ты любить или нет. Не важно, какая жизнь, важна только любовь. Только любовь важна, и ничего больше. Если любишь, то живешь, если не любишь, то ты кусок ебаного пенопласта, и все. Или ты в любви, или ты в говне, ты меня понимаешь, Густав?

ГУСТАВ. Я тебя абсолютно и до самого конца понимаю, любимая моя. Я в одну секунду это понял, как только мы встретились, как только я услышал, что ты любишь меня, как только я открылся тебе. Мне ведь уже пятьдесят три года, и я всю жизнь прожил так, будто вокруг меня все только и делают, что пытаются наебать своих конкурентов, я думал, будто вся эта любовь вокруг меня – это только секс и пиздешь супругов друг другу. Любовь – это секс и пиздешь, вот что я думал. А теперь, когда мы встретились, Марта, я наконец-то понял, что любовь – это желание стать по-настоящему живым, что любовь – это жизнь, Марта. Мы в нашем обществе все хотим жить, как бы мы не говорили об этом, мы все хотим жить. А значит, мы все хотим любви, Марта. Мы все хотим любви, Марта. Мы не можем говорить об этом, потому что у нас это не принято, потому что у нас это считается слишком сентиментальным, слишком несерьезным, слишком и так всем понятным. Но на самом деле, это никому не понятно, Марта, потому что никто из нас по-настоящему не любит, потому что никто из нас, по-настоящему не чувствует, что весь этот говняный мир, который нас окружает, – это все любовь. Что вся эта говняная жизнь, которую мы проживаем, – это все любовь. Что все это говно вокруг нас – это любовь. Никто из нас об этом не знает, никто из нас даже не догадывается об этом, что вся эта говнопланета, на которой мы живем, есть планета любви. Марта, я люблю тебя.

Густав обнимает Марту, и они стоят, прижавшись друг к другу. Лора, которая к этому времени разыскала в сумке телефон, звонит по мобильному телефону.

ЛОРА (говорит по мобильному телефону). Алло, алло, алло. «Скорая помощь», «скорая помощь». Помогите! Здесь мой муж ведет себя очень плохо, ему нужна срочная помощь, он очень пьяный. Что, что? Да, да, я тоже очень пьяная, ну и что? Мы здесь все очень пьяные, и нам всем здесь очень плохо. А особенно моему мужу, он связался с грязной молодой девицей, ему нужна медицинская помощь. Алло? Алло? Они положили трубку, бесчувственные эгоисты! Разве пьяным не нужна помощь? Мой муж сошел с ума, и ему нужна помощь, что мне делать? Господи, что мне делать? Господи, помоги мне, спаси меня, что мне делать? «Скорая помощь» мне не помогает! Что мне делать? Зачем мне вообще жить в этом говняном мире, где какие-то арабы убили моего брата?

ГУСТАВ. Мир – это жемчужина в куске говна, Лора. Ты должна засунуть свою руку по локоть в это вонючее говно, чтобы достать жемчужину, которая внутри. Засунь свою руку в говно и достань жемчужину, Лора.

ЛОРА. Ты сошел с ума, Густав.

ГУСТАВ. Ты же сама прекрасно знаешь, что нет.

ЛОРА. То, как ты себя ведешь, и то, что ты говоришь, – это все хуже, чем любое помешательство.

ГУСТАВ. Я знаю, что ты спала с Карлом, он сказал мне об этом как раз именно сегодня.

Пауза. Лора закрывает лицо руками. Густав и Марта стоят обнявшись.

ГУСТАВ. Но я по-прежнему люблю тебя, Лора. Ничего страшного не случилось. Я думал, что не смогу пережить это, но я встретил Марту и понял, что любовь – это нечто большее, чем то, что ты спала с Карлом, любовь – это нечто гораздо большее, Лора. Любовь – это то, что ты хочешь счастья, Лора. Мы все этого хотим, потому что мы все несчастны, и мы ищем этого счастья, и мы прикасаемся к нему, насколько это возможно. Когда ребенок смотрит на мороженное, он его любит, Лора, это тоже вид любви, Лора. И когда твой отец смотрит на кружку пива, это тоже вид любви, Лора. И когда ты спала с Карлом, это был тоже вид любви, потому что ты хотела счастья, Лора. И когда ты сейчас хочешь идти домой, потому что ты устала, ты тоже хочешь счастья, дорогая моя. Ты хочешь быть счастливой, Лора, и это так понятно. Но счастье не в мороженом и не в пиве, и даже не в Карле, Лора.

ЛОРА. А в чем, Густав?

ГУСТАВ. В том, чтобы разглядеть эту ебаную жемчужину под этим толстым слоем мирового говна, Лора.

Марта резко выскальзывает из объятий Густава и быстрым, быстрым шагом уходит.

Пауза. Густав и Лора смотрят вслед ушедшей Марте. Вдруг Марта возвращается таким же быстрым шагом, как и ушла.

МАРТА. Благодарю ваше говняное семейство за волшебную жемчужину любви.

Марта совершает поясной поклон, касаясь рукой земли, и очень быстро уходит. Густав поворачивается к Лоре. Лора подходит к Густаву.

ЛОРА. Ты что, хочешь сказать, что все останется так, как и было, мы и дальше будем вместе?

ГУСТАВ. Нет, все теперь будет совсем по-другому, Лора. Мы только теперь наконец-то по-настоящему будем вместе.

ЛОРА. Это сейчас ты так говоришь, Густав, потому что ты пьян, а утром, когда ты протрезвешь, ты будешь относиться ко всему совсем по-другому.

ГУСТАВ. Я больше никогда не протрезвею, Лора.

ЛОРА. Ты что, теперь будешь пить?

ГУСТАВ. Нет, я больше никогда не буду пить, но я не буду трезветь.

Лора подходит к Густаву, они обнимаются. Затемнение.

2. сцена

Ночь. Улица. У тротуара стоит Лаура. Она просто стоит на одном месте, и ее слегка покачивает из стороны в сторону. Ее платье сильно помято, волосы растрепаны, она все еще пьяна. Входят Матиас, Габриель, Рудольф и Макс. Они устало идут по улице, еле-еле передвигая ноги. Вдруг Матиас останавливается и смотрит на Лауру.

МАКС. Ты что, считаешь, что твой автобус действительно придет?

Лаура поднимает голову и смотрит на Макса.

ЛАУРА. Моего автобуса не существует.

МАКС. Тогда чего ты ждешь?

ЛАУРА. Я ничего не жду, я просто стою здесь, и все. Я сильно пьяна.

МАКС. Мы тоже сильно пьяны, мы были в вегетарианском ресторане моих родителей, там нет ни куска мяса, поэтому я напился как свинья.

ЛАУРА. Мужчина, с которым мы были вместе три года, сегодня женился на другой женщине.

МАКС. Значит, ты свободна?

ЛАУРА. Я свободна.

МАКС. Значит, я могу предложить себя в качестве твоего будущего мужа?

ЛАУРА. Я согласна.

МАКС. Ты выйдешь за меня замуж?

ЛАУРА. Я согласна, прямо сейчас, я согласна.

МАКС. Вы слышите, что она говорит, Рудольф?

РУДОЛЬФ. Я все слышу. Но нам нужно идти дальше, потому что мы скоро можем сильно устать и сесть на землю, а если я сяду, то я уже не встану, так что скорей, скорей домой.

МАКС. Вы что, не видите, что я встретил свою невесту? Ты ведь правда, согласна выйти за меня замуж?

ЛАУРА. Я уже сказала, что согласна, прямо сейчас.

МАКС. А что это означает – прямо сейчас?

ЛАУРА. Прямо сейчас – это означает, что прямо сейчас и прямо здесь.

МАКС. Друзья, вы слышите, что она говорит? Матиас?

МАТИАС. Что касается меня, то я пас.

РУДОЛЬФ. Я тоже пас, я хочу домой.

МАКС. Габриель, мне нужна твоя поддержка, я первый раз в жизни встретил девушку, которая готова на все. Ты меня слышишь?

ГАБРИЕЛЬ. Слышу. Но мне кажется, она шутит, пойдём домой?

МАТИАС. Ты думаешь, она шутит?

ГАБРИЕЛЬ. Я уверен.

МАТИАС. Не забывай о том, что ждет тебя уже сегодня, Макс. Мы все приглашены, и мы собираемся прийти и снова напиться до соплей.

РУДОЛЬФ. Господи, какой кошмар!

МАКС. Послушай, ты что, смеешься надо мной да, все это ха, ха, ха, да?

ЛАУРА. Нет, это все очень серьезно, я люблю тебя.

МАКС. Матиас, ты слышишь, что она говорит? Она, оказывается, меня любит?

МАТИАС. Это все шутки, Макс, пойдём скорее домой, а то мы будем плохо выглядеть, а особенно ты, Макс.

РУДОЛЬФ. Я чувствую, что я начал уставать.

Рудольф садиться на землю.

МАКС. Ты слышишь, мой друг Матиас считает, что это все шутки, ты правда шутишь?

ЛАУРА. Передай своему другу Матиасу, что это никакие не шутки, я люблю тебя.

МАКС. Она просила передать тебе, Матиас...

МАТИАС. Я все слышал.

РУДОЛЬФ. Я тоже все слышал, но я устал.

МАТИАС. Предлагаю тебе взять эту девушку с собой и как можно скорее пойти. Потому что я, кажется, тоже начал уставать.

МАКС. Приглашаю тебя ко мне домой.

ЛАУРА. Прежде чем я войду в твой дом, мы должны пожениться.

МАКС. Я готов стать твоим мужем, но сейчас это невозможно, нам нужно подождать до утра, когда откроется эта... как там ее...? Ну, такая контора, где записывают все эти наши браки?

ГАБРИЕЛЬ. Это контора называется церковь, а наши браки записывают на небесах.

МАКС. Я говорю не о церкви, я завтра не собираюсь жениться в церкви, мы планируем расписаться в такой чертовой конторе, где выдают специальные документы, да какая разница, как она называется, она ведь все равно сейчас закрыта. Пойдем ко мне домой, устроим брачную ночь, а завтра пойдём в эту контору и подадим документы? Я обещаю.

ГАБРИЕЛЬ. Ты не можешь этого обещать Макс, потому что завтра у тебя другие планы, не забывай об этом.

МАКС. Завтра у меня как раз были планы пойти в эту контору, и теперь вот я хочу пойти туда с ней. Потому что она единственный человек, который меня по-настоящему любит, потому что она единственный человек, которого по-настоящему люблю я. Завтра я всех отменю и женюсь только на тебе, я клянусь. Пойдем ко мне.

ЛАУРА. Или мы поженемся прямо здесь и сейчас, или я никуда с тобой не пойду.

МАКС. Послушай, я готов жениться на тебе прямо здесь и сейчас, но кантора-то закрыта, она закрыта, понимаешь, как с этим быть?

ЛАУРА. Или мы поженимся здесь и сейчас, или мы никогда не станем мужем и женой выбирай.

МАКС. Ну конечно, я выбираю здесь и сейчас. Это же очевидно! Тем более завтра у меня и так много разных дел. Я ведь люблю тебя так же, как и ты меня, мы должны быть вместе, пока смерть нас не разлучит. Конечно, я выбираю здесь и сейчас. Давай поженимся прямо здесь и сейчас, только как бы нам это сделать, вот ведь вопрос?

ГАБРИЕЛЬ. Это никакой не вопрос, потому что у вас есть я. Я могу вас обвенчать.

МАТИАС. Все, я устал.

Матиас садится рядом с Рудольфом, обнимает его, и они сидят обнявшись.

МАКС. Как это ты можешь нас обвенчать, Габриель, ты же не священник, только священник может нас обвенчать?

ГАБРИЕЛЬ. Мой родной брат священник, ты забыл? А если мой родной брат священник, то, значит, я могу вас сейчас здесь обвенчать.

МАКС. Ты слышала? Мой друг Габриель может нас обвенчать, его родной брат католический священник, поэтому он может нас обвенчать.

ЛАУРА. Это не передается.

МАКС. Что не передается?

ЛАУРАС. От брата к брату.

МАКС. Ты слышишь, что она говорит, Габриель?

ГАБРИЕЛЬ. Это ересь. Она еретичка. Я не буду вас венчать, живите теперь во грехе или вообще как хотите, я пойду домой.

МАКС. Ты зря так говоришь, дорогая моя, ты же его обижаешь, и он может передумать. Нам нужно соглашаться, пока он тоже согласен и пока он не устал. Это передается от брата к брату, как зараза. У них вся семья священники. И братья, и сестры, и отец, и мать, и даже невестка брата тоже что-то там шаманит себе. Соглашайся, это же наш шанс.

ЛАУРА. Хорошо, я согласна.

МАКС. Мы согласны, Габриель, обвенчай нас.

ГАБРИЕЛЬ. Вам нужны свидетели.

МАКС. У нас есть свидетели, вот они.

Макс показывает на Матиаса и Рудольфа, которые обнявшись сидят на земле.

ГАБРИЕЛЬ. Они совершеннолетние?

МАКС. Они гораздо хуже.

ГАБРИЕЛЬ. Хорошо, начинаем. Идите все сюда. Макс, Рудольф, все сюда.

РУДОЛЬФ. Нет, спасибо, мы здесь.

МАТИАС. Мы пойдем, как только вы первые пойдете, тогда мы за вами.

ГАБРИЕЛЬ. Мы никуда не идем, мы женимся. Вернее, наш Макс женится, а вы являетесь свидетелем жениха и невесты.

РУДОЛЬФ. Поздравляем.

ГАБРИЕЛЬ. Еще рано. Вам нужно подойти.

МАТИАС. Это невозможно, по крайней мере, в ближайшее время.

ГАБРИЕЛЬ. Ну, хорошо, мы сами подойдем. Идемте к ним, дети мои.

Габриель берет за руки Лауру и Макса и подводит их сидящим на земле Рудольфу и Матиасу.

ГАБРИЕЛЬ. Вот, встаньте здесь. Это вот ваши свидетели, над вами Господь Бог, а перед вами я, брат католического священника, Габриель. Вы готовы приступить к таинству?

МАКС. Я готов.

ЛАУРА. Я люблю его.

ГАБРИЕЛЬ. Ну и прекрасно. Начнем. Согласен ли ты, Максимилиан, взять в жены... Как тебя зовут?

ЛАУРА. Лаура.

Макс протягивает руку Лауре.

МАКС. Макс.

ЛАУРА. Лаура.

МАКС. Я очень рад.

ЛАУРА. Мне тоже очень приятно.

Макс и Лаура пожимают друг другу руки.

ГАБРИЕЛЬ. Согласен ли ты, Максимилиан, взять в жены Лауру?

МАКС. Согласен.

ГАБРИЕЛЬ. А ты, Лаура, согласна ли ты отдать себя в руки Максимилиана?

ЛАУРА. Согласна. Я люблю его.

ГАБРИЕЛЬ. Властью, данной мне моим братом, католическим священником, объявляю вас мужем и женой. Аллилуйя. Тебе слово, Максимилиан, скажи речь.

МАКС. Дорогие мои, друзья, моя молодая супруга Сильвия!

ЛАУРА. Я Лаура.

МАКС. Извини, я это и имел ввиду. Дорогая моя возлюбленная Лаура. Дорогие мои свидетели, Матиас.

МАТИАС. Я пас.

МАКС. Рудольф.

РУДОЛЬФ. Я устал.

МАКС. Отче Габриель.

ГАБРИЕЛЬ. Да простит тебя Господь, ебанутый мой сын Макс.

МАКС. Я ведь первый раз встретил такую женщину, которая смогла меня полюбить.

РУДОЛЬФ. А как же твоя будущая жена, Макс?

МАКС. Нет больше никакой будущей жены, теперь есть только настоящая, вот она.

МАТИАС. Мужик. Настоящий мужик.

МАКС. Братья мои и моя сестра, в смысле моя жена. Ну, кто я такой? Я просто ебанутый Макс, как сказал наш брат католического священника Габриель, я

просто никому, на хуй, не нужный операционный менеджер банка, вот и все. Мне тридцать пять лет, и вся моя жизнь – это просто длинный ебучий сон, который начался от самого моего рождения и длился до вот этого вот момента, я спал всю свою жизнь до тех пор, пока не встретил свою возлюбленную Лору. ГАБРИЕЛЬ. Лауру.

МАКС. Я именно это и хотел и сказать. Дело в том, дорогие мои братья и сестра, что мое поколение ничего ведь, на хуй, не чувствует, ничего по-настоящему, блядь, не чувствует. Ничего. Только возбуждение и секс, только работу и алкоголь, и эти ебанные уикенды, и посещение своих родителей, и этот бесконечный треп на разные темы, и эти наши женщины, которых мы не любим. Потому что мы, на хуй, потеряли контакт. Мы потеряли контакт. Контакт с самым главным, блядь. С тем, из чего мы вышли, с тем, без чего невозможно жить. Мы потеряли контакт с реальностью, блядь, с той настоящей реальностью, из которой все здесь на самом деле состоит. И все наши законы, все наши требования, весь наш ебанный либерализм, вся наша ебаная толерантность, вся наша тупая политика, все решения, которые мы принимаем, – все это происходит в отрыве от реальности, блядь. Все это мы делаем, не ощущая контакта с самым главным. Да мы вообще даже не знаем, что есть самое главное, блядь. Мы не знаем, что есть самое главное и мы не знаем, что это такое – самое главное, из чего это все состоит. И вся эта наша свобода, о которой мы все тут постоянно говорим, которой мы все тут все время добиваемся. Какая свобода? Хотите быть свободными? Свободными от чего, блядь?! От кого, блядь? В чем эта свобода? Какая, на хуй, может быть у нас свобода, если мы потеряли контакт, на хуй. Слышите, что я говорю вам? А? Ну-ка, ну-ка, что вы мне ответите? А?!

ГАБРИЕЛЬ. Если бы я был таким же верующим, как мой брат, католический священник, я бы сказал, что свобода в Господе, а так как я не верующий, то хуй его знает, в чем она?

МАКС. Потому что ты потерял контакт, брат.

РУДОЛЬФ. Почему он все время повторяет одно и то же? Какой контакт, Макс?

МАКС. Твой контакт, придурок.

РУДОЛЬФ. Контакт с чем?

МАКС. Со всем, блядь. С самым главным.

РУДОЛЬФ. Если мы что-то и потеряли, то давайте поищем это завтра, ок?!

МАТИАС. Да, сейчас-то мы вряд ли способны что-нибудь найти.

МАКС. Никто ничего не чувствует, ничего понимает. Никто не знает, что с нами со всеми тут на самом деле происходит.

ГАБРИЕЛЬ. А что?

МАКС. Потеря самого главного.

ГАБРИЕЛЬ. А что это самое главное, расскажи нам, Макс?

МАКС. Хуй его знает, что это. У меня этого больше нет. Я это потерял. Я потерял с этим контакт. А этот контакт – это самое главное, блядь. Или у тебя есть контакт или ты просто просрал, на хуй, свою жизнь. Я никого не люблю, я никого не любил, и вот только теперь, только теперь, когда я встретил...

Макс смотрит на Лауру, напрягая свою память.

МАКС. Лаура. И только теперь, когда я встретил Лауру, я впервые в жизни понял, что контакт – это единственная реальность, которая у нас есть, а все остальное – это иллюзии и говно. И все, что мы должны делать на этом свете, – это снова найти контакт. А это значит, мы должны любить, любить и любить, блядь. Это я вам говорю, гражданин Евросоюза, тридцатипятилетний операционный менеджер банка. Вот!

Пауза.

ЛАУРА. Господи, я горжусь своим мужем. Макс, я люблю тебя, для меня честь быть женой такого выдающегося человека, как ты.

МАКС. Ты правда так считаешь?

ЛАУРА. Ну конечно. То, что ты сейчас сказал, – это так важно. Это так важно.

ГАБРИЕЛЬ. Согласен, это очень важно, согласен.

РУДОЛЬФ. Простите, это вы о чем?

ГАБРИЕЛЬ. Это мы о том, что мир есть любовь, Рудольф.

РУДОЛЬФ. О, да, это, несомненно, очень важно.

МАТИАС. Присоединяюсь.

ЛАУРА. Все эти наши современные отношения между мужчиной и женщиной – это все такая херня.

ГАБРИЕЛЬ. Слово предоставляется невесте.

ЛАУРА. Это все такая лажа, это все такой бред. Он тебе ничего не должен, ты ему ничего не должна. Он, на хуй, свободный человек, она, на хуй, свободная телка. Все, на хуй, свободны, никто, на хуй, ни от кого не зависит. А кто это нам сказал то, что это так? Кто это нам сказал то, что это так?! Это ебаное современное общество сказала нам, что это так. А это не так.

ГАБРИЕЛЬ. Полностью согласен, что здесь что-то не так.

РУДОЛЬФ. Присоединяюсь.

МАТИАС. Я с вами.

МАКС. Я горжусь своей женой.

ГАБИЕЛЬ. Для меня большая честь обвенчать, вас.

МАКС. Лаура продолжай.

ЛАУРА. Никакой свободы нет. Это все просто голимый и необоснованный пиздешь, что мы не должны никому принадлежать, кроме себя. Это все такой страшный пиздешь, и мы все по уши залипли в этом пиздеже, и мы во все это верим и живем так, и боремся за свои права быть свободными на этой земле. А свобода в том, что ты себя отдаешь. Что ты обязательно чему-то принадлежишь, что ты служишь и весь целиком подчиняешься своему служению, свобода в том, что тебя вообще нет, что ты и есть весь этот мир. Свобода в том, то у тебя нет никакого выбора, что твоя судьба уже решена, в этом свобода. Свобода в том, что твое сердце отдано раз и навсегда, и не ты его хозяин, а тот, кому оно по праву принадлежит. Мое сердце по праву принадлежит не мне. Вот в чем свобода – что мое сердце по праву принадлежит не мне.

ГАБРИЕЛЬ. А кому?

МАКС. Мое сердце принадлежит любви.

Лаура подходит к Макс, и они сливаются в долгом страстном поцелуе.

ГАБРИЕЛЬ. Силой, данной мне от моего брата, католического священника, объявляю этот брак святым.

РУДОЛЬФ. Значит, мы можем пойти домой?

МАТИАС. Лично я должен немедленно пойти домой, иначе я умру от усталости.

РУДОЛЬФ. Помоги нам встать на ноги, брат Габриель.

Габриель подходит к Рудольфу и Матиасу и подает им руки, Рудольф и Макс хватаются за руки Габриеля и поднимаются на ноги. Макс и Лаура продолжают целоваться.

РУДОЛЬФ. Кто бы мог подумать, что Макс отхватит себе такую крутую телку.

МАТИАС. Кто бы мог подумать, что такая крутая телка отхватит себе Макса.

ГАБРИЕЛЬ. Через час они выйдут друг из друга вместе с алкоголем.

РУДОЛЬФ. Я пошел домой, друзья мои, иначе я сегодня на свадьбу Макса не приду.

МАТИАС. Сегодня наш Макс будет женится во второй раз.

РУДОЛЬФ. Только уже по-настоящему.

МАТИАС. И на другой.

РУДОЛЬФ. О господи боже, и снова пить! Я должен немедленно идти домой.

ГАБРИЕЛЬ. Дорогие братья и сестра, властью, данной мне от моего брата, католического священника, объявляю наш сегодняшний мальчишник оконченным.

РУДОЛЬФ. А как быть с Максом?

МАТИАС. Оставим его здесь, пусть хоть напоследок поцелуется с крутой телкой.

РУДОЛЬФ. До встречи на свадьбе Макса.

МАТИАС. До встречи, парни.

ГАБРИЕЛЬ. Пока, пока.

Матиас, Рудольф и Габриель уходят. Макс и Лаура продолжают целоваться.
Затемнение.

3. сцена

Ночь. Улица. Скамейка. На скамейке, обнявшись, сидят Магда и Лоуренс. Входят Карл и Линда, они проходят мимо, но вдруг Карл останавливается, поворачивается и обращается к Лоуренсу и Магде.

КАРЛ. Ничто не может уберечь нас от лжи. Мы все лгуны.

ЛИНДА. Карл! Что ты делаешь, Карл?!

Лоуренс и Линда смотрят на Карла.

КАРЛ. Каждый муж врет своей жене, это закон. И нет ни одной семьи, в которой не было бы лжи!

ЛИНДА. Карл, опомнись! Ты что творишь?! Простите, пожалуйста, мой муж пьян.

ЛОУРЕНС. Мы тоже пьяны, так что все ок.

КАРЛ. Муж врет жене, жена врет мужу, дети врут родителям, родители – детям, подчиненные – своему начальству, политики – своим избирателям, священники – своими прихожанам, прихожане – своему Богу. И только Бог никому не врет, потому что ему насрать на то, что о нем подумают все остальные.

ЛИНДА. Карл, немедленно прекрати! Пойдем домой, я прошу тебя.

Линда хватается Карла за руки и пытается его увести, но Карл вырывается и распаляется еще сильнее.

КАРЛ. Богу насрать на то, что мы о нем подумаем, и поэтому Он такой какой Он есть, а мы все врем! Потому что мы все хотим быть лучше, чем мы есть, мы все хотим наебать друг друга, хотим выставить себя в глазах других не теми, кем мы являемся на самом деле. Мы все пиздим друг другу, думая, что мы выйдем по-настоящему заябись. Мы думаем, что мы по-настоящему заябись! Но кого мы хотим наебать, кого?

ЛИНДА. Карл, я прошу тебя, перестань! Ты ведешь себя очень плохо! Ради бога, простите его, он сильно пьян.

ЛОУРЕНС. Да ладно, все в порядке, с кем не бывает?!

КАРЛ. Вот именно! С кем не бывает?

ЛИНДА. Карл, ну я прошу тебя, я умоляю!..

КАРЛ. Вот именно, с кем не бывает?! Вот именно, что это бывает со всеми! Это бывает со всеми, потому что все врут!

ЛОУРЕНС. Мужик, да ты просто доктор Хаус, блядь.

Карл подходит к Лоуренсу и Магде, обращается к Магде.

КАРЛ. Я обращаюсь к этой вот девушке, ты думаешь, этот вот твой парень, который сейчас с тобой, ты думаешь, он тебе не врет? Он врет!

ЛОУРЕНС. Эй, ты! Ты бы лучше не переходил на личности.

ЛИНДА. Ради бога не слушайте его, он просто не в себе.

МАГДА. Я знаю, что он мне врет. Я и сама ему вру. Я знаю, что это правда, мы все врем.

ЛОУРЕНС. Ладно, ладно, Магда, ты сюда не влезай.

МАГДА. Дайте ему сказать все, что он хочет, это Господь Бог говорит через него.

КАРЛ. Правильно! Это Господь Бог говорит через меня, потому что Господь всегда говорит с миром через тех, кто пьян. Господь разговаривает с нами языком тех, кто пьян. И сейчас Господь говорит с тобой через меня, и он хочет сказать тебе, что твой парень тебя наебывает, как и все мы наебываем своих баб.

ЛОУРЕНС. Эй, мужик? Ты что, думаешь, я буду это терпеть?!

МАГДА. Заткнись, Лоуренс. Нужно хотя бы раз услышать правду о себе. Ты будешь это терпеть.

ЛИНДА. Девушка, вы совершаете ошибку, вы его не знаете, он сейчас такого тут наговорит.

КАРЛ. Конечно наговорю, потому что настал момент истины. Господь решил заговорить с вами через меня, и вот что он решил вам сказать. Мы все

наебываем своих жен, а жены наебывают своих мужей. Если не в большом, так в малом, если не в главном, так в мелочах. Я больше десяти раз изменял своей жене, вот этой вот женщине. И ни разу ей не признался в этом, до этой самой минуты. А теперь Господь решил открыть ей глаза и сказать правду обо мне. Десять раз, Линда, десять раз я спал с другими бабами, включая и твою подружку Лору, с которой я тоже переспал, и, кстати, сегодня Густав узнал об этом, а теперь и ты знаешь, вот вам и момент истины, он настал.

Пауза. Линда садится на скамейку и закрывает лицо руками.

ЛОУРЕНС. Эй, мужик, нахера ты это сделал? Кому от этого стало лучше?

МАГДА. Мне. Мне от этого стало лучше. Потому что я сегодня весь вечер думала об этом. Потому что я смотрю на нас с тобой, Лоуренс, и вижу, что вся наша совместная жизнь будет сплошным враньем, потому что мы начали со вранья, потому что ты не любишь меня по-настоящему, потому что сама эта наша свадьба и то, как мы ее провели, все это уже есть ложь, и этот мужик прав, мы все хотим наебать друг друга, и сами себя, и только один Господь Бог не врет, и сейчас Господь сказал нам всю правду о нас через этого вот ебанутого святого мужика.

ЛОУРЕНС. С чего это ты взяла, что я тебе вру, Магда? Я люблю тебя.

МАГДА. Если ты думаешь, что ты мне не врешь, то ты врешь себе.

ЛОУРЕНС. Почему ты уверена, что это именно так? Почему ты не можешь допустить, что я искренне люблю тебя?

КАРЛ. Потому что ты не знаешь, что такое любовь, приятель.

ЛОУРЕНС. Ну а ты-то откуда знаешь, что я знаю, а что нет? Ты кто вообще такой, чтобы всех нас судить? Хочешь, я сейчас так тебе вломлю, что из тебя, нахуй, вылетит весь этот твой ебанный миссионерский дух?!

КАРЛ. Ты можешь убить меня, но это все равно не спасет тебя от пиздежа самому себе.

МАГДА. Он абсолютно прав, этот ебанутый мужик.

ЛОУРЕНС. Да с чего это ты взяла, что он прав?! Он просто нажрался как свинья и гонит тут всякую пургу, а ты включаешься в это, потому что это попадает в твою депрессию, которую ты сама из себя вытаскиваешь, чтобы раздуть еще сильнее свое ебанное эго. С чего это я буду вас слушать, когда я вижу, что вы просто накачиваете сами себя, упиваетесь, нахуй, своим горем и тем, какие вы несчастные, и тем, что весь мир якобы лежит во лжи?! Все это просто говно, то, что вы тут говорите. Все это просто ваша ебанная жалость к самим себе и к своему эго. Вы просто хотите понуть над собой, поплакать над своими недостатками и комплексами, вы, блядь, как и все мы ебанные европейцы, погрязли в своих комплексах и хотите вывалить их на окружающих. Вы как этот, блядь, режиссер Ларс Фон Триер, хотите заработать свою славу и свои бабки на комплексах и жалости людей к себе. А вот это и есть, нахуй, главное вранье – вранье собственному сердцу. Хотите, блядь, наебать собственное сердце, хотите, внушить ему, что оно говно. А с чего это? Наше сердце никакое, нахуй, не говно, и оно, блядь, не ноет и не стонет. Это мы ноем и стонем. Это мы вечно жалуемся на то, какие мы, блядь, все плохие. Ставим про это спектакли, снимаем фильмы и от этого становимся все хуже и хуже. Вместо того, чтобы

любить, мы ноем, что любви нет, вместо того чтобы меняться, мы, блядь, убеждаем сами себя, что ничего нельзя изменить. Да с какого это хуя, я должен постоянно поливать себя говном? Если мы хотим выбраться из этого говна, то нахуя мы постоянно льем его себе на голову?! Люди не говно, Магда, люди просто думают, что они говно. Не слушай этого мужика, он не ищет правды, он просто хочет загладить свою вину перед своей женой. Он оправдывает сам себя тем, что он якобы слабый и плохой, а на самом деле, ему просто нравится быть таким, вот и все. Я тебе не обещаю, что я тебе никогда не изменю, Магда, но я тебе обещаю, что я буду что-то делать со своей собственной жизнью, что буду становиться лучше и что буду учиться беречь тебя и нашу с тобой любовь. А все остальное – это сопли и наше европейское говнище. Наше европейское говнище, которое мы льем сами себе на голову и наслаждаемся тем, что мы в говне. Вот, так.

Пауза.

ЛИНДА. Может быть, я и врала тебе в каких-то мелочах, Карл, но я ни разу не обманула тебя серьезно, и уж тем более, я никогда не изменяла тебе, потому что я люблю тебя, Карл.

КАРЛ. Но что мне делать, Линда, я чувствую себя куском вонючего говна?

ЛОУРЕНС. Что тебе делать, Карл? Просить прощения у Господа за твоё уныние, в которое ты тут по полной программе влип. Проси прощения за то, что осквернил все самое лучшее в человеке и тем самым поднял свою грязную руку на творение Господа, на нас. Мы есть творение Господа, и не нужно поливать нас грязью и говном. Кайся и проси прощения у Бога, может быть, Господь по милости божьей и простит тебя, ебанного придурка. Но в одном ты прав, Карл, в том, что Господь говорит с миром через пьяных, с этим я согласен, приятель. И вот сейчас он как раз обращается к вам через меня, потому что я в жопу пьяный и никак, блядь, не могу протрезветь. И вот что Господь говорит вам через меня. Никому не ссать. Вот это вот Господь говорит всем вам через меня. Никому не ссать, вот его месседж! Не ссать – вот главный месседж Господа. И не ныть! А взять себя, нахуй, за жопу и выдернуть из всего этого интеллектуального, рационального дерьма, в котором мы все погрязли. Оторвите, нахуй, свои задницы от этой сладкой, блядь, меланхолии, в которую вы влипли, как мухи в мед. Это все наебалово чистой воды, нахуй, это меланхолия. Любите, будьте сильными, изменяйте себя, и мир вокруг будет меняться, живите настолько честно, насколько можете и ничего не ссыте. Станьте такими, как я, говорит нам Господь. Станьте, нахуй, такими крутыми, как Господь, который никогда не ссыт и не опускает руки, а день за днем продолжает строить этот мир, не смотря на все наше нытье и всю эту нашу ебучую меланхолию, которая ни что иное, как онанизм. Хватит дрочить, говорит Господь, пора начать любить кого-то другого, кроме самого себя.

Пауза.

МАГДА. Лоуренс, я дура. Прости меня. Ты крутой.

ЛОУРЕНС. Хуйня это все, никакой я не крутой. Я просто не хочу тебя терять, потому что я люблю тебя.

Магда и Лоуренс подходят друг к другу и сливаются в нежном поцелуе. Карл садится рядом с Линдой на скамейку.

КАРЛ. А мне что теперь делать, Линда?

ЛИНДА. А тебе нужно идти домой, Карл, и лечь спать. А завтра мы проснемся и на трезвую голову все обсудим.

КАРЛ. И ты думаешь, у нас еще есть шанс все вернуть?

ЛИНДА. Не думаю, что нужно что-то возвращать, Карл. Я думаю, что нужно попытаться начать все заново. Только на этот раз без вранья, Карл.

КАРЛ. Я не знаю, умею ли я не врать, я же всю жизнь работаю в банковской системе?

ЛИНДА. Все это ерунда, Карл, не врать легко. Нужно просто не бояться быть таким, каким ты есть.

КАРЛ. Это очень страшно.

Лоуренс оборачивается к Карлу и Линде.

ЛОУРЕНС. Не ссать, говорит нам Господь. Главное – не ссать.

ЛИНДА. Наверное, и правда, нужно делать так, как говорит этот молодой человек.

Лоуренс берет Магду за руку, они идут и садятся на скамейку рядом с Карлом и Линдой.

ЛОУРЕНС. Это не я говорю, а Господь, потому что Господь всегда разговаривает с этим миром через пьяных. Что у Господа на уме, то у пьяного на языке. И вот Господь через пьяного слугу своего говорит всем нам, не ссать.

МАГДА. Не ссать.

ЛИНДА. Присоединяюсь. Не ссать.

КАРЛ. Не ссать – легко это говорить. А вот как это сделать – не ссать? Как так жить, чтобы не ссать? Что нужно делать, чтобы не ссать? А?

ЛОУРЕНС. Не ссать.

Карл, Линда, Лоуренс и Магда сидят на скамейке.
Затемнение.

4. сцена

Ранее утро. Улица. По улице, слегка шатаясь, идет Марк, ему навстречу, тоже немного пошатываясь, идет Роза. При виде друг друга они останавливаются.

МАРК. Стой. Время каждого человека подошло к концу. Хватит ебать друг другу мозги. Отдай все, что ты должен отдать и сваливай из этого мира навсегда.

РОЗА. Да, да, да! Это так прикольно, о чем ты говоришь! Это так прикольно!

Отдай всем все, что у тебя есть, и сваливай из этого мира навсегда. Это клево!

МАРК. Мы здесь до тех пор, пока мы все не отдадим, пока мы все не отдадим, нас отсюда не отпустят, пойми. Поэтому нужно отдать все, все отдать до самого конца, и тогда тебя отпускают, тогда иди, ты свободен.

РОЗА. Ой, блядь, ой, блядь! Как это клево, что ты это говоришь! Я это тоже совсем недавно поняла. Как это клево! Тебя как зовут, мужик?

МАРК. Марк Гардениц, директор кинофестиваля, а тебя?

РОЗА. Роза, балерина. Прикольно, что я только сегодня об этом думала. Отдать все.

МАРК. Все. Мы здесь будем до тех пор, пока мы все не отдадим, нахуй. Все. Бог, он как босс мафии, у которого мы украли деньги. Господь, как босс мафии закрыл нас в вонючем туалете и говорит, что выпустит только тогда, когда мы ему все вернем. Все ему отдадим, все, что у нас есть, все, что мы у него взяли, все что он нам дал, все до самого конца. И вот только тогда, мы свободны. Я это понял, только сегодня, когда посмотрел на моем фестивале один гениальный иранский фильм. Гениальный иранский фильм!

РОЗА. Я тоже его смотрела, я тоже его смотрела, я тоже его смотрела. Никто не может хотеть от меня большего, чем я могу, поэтому вам нужно заткнуться, господин судья.

МАРК. Смерти нет, моя прекрасная Гульбахар.

РОЗА. Никто не в состоянии защитить нас от любви.

МАРК. Ты должен отдать мне то, что принадлежит мне по праву, Джамшид, и тогда я сниму с тебя проклятие твоего рода, и твои дети будут рождены свободными людьми.

РОЗА. Как это охуенно, что ты это говоришь! Это так клево! Это так клево! Это просто пиздец! Отдать все, что тебе не принадлежит. Это так клево!

МАРК. Потому что нам ничего здесь не принадлежит, вот в чем вся суть, ты это понимаешь? Нам же здесь ничего не принадлежит, ты это понимаешь, или нет?

РОЗА. Ты крутой! Ты реально крутой! Ты самый крутой из всех! Ты реально, такое сейчас говоришь, что все остальное по сравнению с этим просто говно.

МАРК. Потому что мы все, мы все, мы все только и делаем, что берем, вот поэтому мы и плачем. Мы только берем, вот поэтому мы и плачем, блядь. Вот поэтому весь этот холокост и происходит, блядь. Вот поэтому все эта херня в Ираке и происходит, потому что мы берем, только берем. Строим, блядь, строим свой проклятый бизнес. Мы только берем, блядь. И поэтому мы все в этом туалете, потому что нас тут держит Господь Бог – босс всей этой космической мафии.

РОЗА. Космическая мафия – это так круто! Ты, блядь, такой крутой, мужик! Ты реально круче всех!

МАРК. Это все не мое, ты понимаешь это? Все это, что у меня есть, – это все не мое, это все мне нужно отдать, понимаешь, отдать?! Все отдать! И вот этот костюм, и вот это тело, и вот этот мой жир с моего живота, и мои деньги с моего банковского счета, и мой дом, и моих детей, и мои несбывшиеся мечты, и все мое короткое счастье, и все мое говно, которое во мне есть, и этот чертовый рак, от которого я, блядь, через четыре месяца умру, – все это не мое! Все это я при рождении взял в займы, а теперь мне все это нужно отдать. Мы все тут живем и думаем, что все, что у нас есть, – это все наше, и мы хотим все больше и больше, мы все берем и берем еще. Делаем этот свой чертовый бизнес и эту

чертову карьеру, а ведь это все только кредит, ебать его в рот. Это же только кредит, ебать его в рот. Это все мы должны отдать, все до последнего цента и плюс проценты, которые набежали за все это время. Проценты набежали все это время! И босс космической мафии не выпустит нас из грязного туалета, пока мы не заплатим по счетам и все-все не отдадим. Вот так вот реально выглядит этот космический бизнес, в котором мы участвуем.

РОЗА. Ты крутой, мужик! Я такого никогда ни от кого не слышала, ты реально самый крутой мужик из всех, с кем я была, а я была со многими мужиками, которые любили нести всякую хуйню. Но ты реально говоришь то, что у меня внутри, ты как будто озвучиваешь мои мысли. Ты тот, кого я реально ждала, чтобы ты пришел и сказал мне все это. У тебя что, реально рак, мужик?

МАРК. Да херня это все, этот рак. Какая разница, отчего мне умереть, главное, отдать. А я тебе скажу, что за свою жизнь, я уже так много набрал, я столько всякого говна приобрел за всю свою жизнь, у меня столько всякого говна, что мне реально очень тяжело выплатить этот кредит. И я до сих пор в этом туалете, и босс космической мафии до сих пор ждет, когда я ему все верну с процентами. Но у меня, похоже, уже нет сил все это вернуть. Я, похоже, крепко вляпался во все это говно. Мне, похоже, уже не выбраться из этого липкого ебучего клея, в котором я застрял. Не легко все отдать. Брать легко, а отдавать до невозможного трудно. Отдавать просто невыносимо тяжело. Отдавать мало кто готов, потому что когда начинаешь отдавать, то вдруг потом понимаешь, блядь, что нужно отдавать все.

РОЗА. Я хочу отдать все, мужик. Я реально хочу отдать все, потому что меня все это так достало, меня так все это заебал, что я хочу отдать все это, как можно быстрее.

МАРК. Как тебя зовут?

РОЗА. Роза.

МАРК. Отдавать очень трудно, Роза. Потому что нужно отдать себя. И вот это и есть основной пиздец, с которым мы не можем смириться. Никто не хочет отдать самого себя, и это реально наш всеобщий пиздец.

РОЗА. Я хочу все отдать, я очень хочу все отдать. Как мне это сделать, Марк? Ты же такой крутой, помоги мне? Я хочу отдать, научи меня.

МАРК. Ты же балерина, да?

РОЗА. Можно сказать и так, Марк.

МАРК. Ты сказала, что ты балерина, Роза, это правда?

РОЗА. Нет, это не так, Марк. Я тебе наврала. Я проститутка, обычная шлюха по вызову, вот и все.

МАРК. Ты только что отдала, Роза. Вот сейчас ты только что отдала, Роза. Ты только что отдала свою балерину, которую до этого ты взяла. Поняла? Ты поняла, как это все устроено, Роза? Ты меня обманула, сказала, что ты балерина и значит, ты взяла эту балерину себе, понимаешь? Ты взяла эту балерину у Бога в долг, понимаешь? Ты захотела выглядеть передо мной как балерина и взяла эту балерину у Господа Бога в долг. А теперь ты ее вернула. И вернула с процентом, потому что твой процент – это твой стыд, который испытала передо мной за то, что ты мне наврала, и за то, что ты шлюха, Роза. Ты шлюха, Роза. Ты отдала балерину с процентом и теперь тебе нужно отдать и все остальное, что ты взяла.

РОЗА. Но я не знаю, что я еще взяла, я не знаю, Марк?

МАРК. Ты взяла все, Роза, всю свою жизнь. Все это вранье, которым занимаешься с утра до вечера. Ты взяла все это вранье, которым занимаешься на своей работе. Ты стонешь, когда тебя трахают, Роза, ты делаешь вид, что тебе приятно, а ведь это не так, Роза, ты просто изображаешь все это, все проститутки изображают, что им приятно, я это знаю. И ты не исключение, Роза. Ты обманываешь своего клиента, а значит, ты берешь, Роза. Обманываешь – значит берешь кредит, Роза. Врешь – значит берешь, признаешься во вранье – отдаешь. Нужно все отдать, Роза, все, всю эту ебанную ложь, в которой мы погрязли, как мухи в банке липкого меда.

РОЗА. Я все время вру, Марк.

МАРК. Мы все время врем, поэтому мы все и в говне.

РОЗА. Но я боюсь не врать, мне страшно не врать, Марк. Я просто не проживу в этом страшном мире, если я не буду врать, Марк.

МАРК. Мы все так думаем, Роза, поэтому мы все и в говне.

РОЗА. Но Билл Гейтс не в говне, Марк.

МАРК. Возможно, что он в более страшном говне, Роза.

РОЗА. Но он не в таком говне, как я, Марк.

МАРК. Трудно сравнивать говно, Роза. По-моему, всякое говно – говно.

РОЗА. Но есть хоть кто-нибудь кто не в говне, Марк?

МАРК. Тот, кто отдал все свое говно.

РОЗА. Но кто отдал все свое говно, кто?

МАРК. Кто его знает, Роза? Ну, Иисус Христос, например.

РОЗА. Ну ты пиздец, Марк! Ну ты, блядь, сейчас привел пример. Иисус Христос! Это просто он риал, Марк! Иисус Христос, ну ты, блядь, сказал, Марк. А мне-то тогда что делать, мне?!

МАРК. Подойти ко мне поближе, Роза. Иди сюда.

Роза подходит к Марку.

МАРК. Обними меня так, как только можешь, от всего сердца, Роза.

Роза с недоверием смотрит на Марка.

МАРК. Ну, обними меня так крепко, как только можешь, чего ты стоишь?

РОЗА. А ты меня не обманешь, Марк?

МАРК. У меня рак легких, Роза, я уже больше никого не обману.

Роза обнимает Марка, прижимается к нему всем своим телом. Марк тоже обнимает Розу.

МАРК. Вот, вот, так, Роза, давай, давай прижимайся ко мне сильнее, потому что я хочу тебя.

Роза пытается вырваться, но Марк ее не выпускает.

РОЗА. Пусти! Я так и думала, что ты меня обманешь, я так и думала, что ты мудака!

МАРК. Подожди, подожди, я никакой не мудака, Роза, подожди! Я сейчас тебе все отдам, все отдам, все, что я у тебя взял, все до самого конца. Прижимайся ко мне сильнее, трись о меня всем своим телом, сейчас я тебе все отдам, почувствуешь меня, сейчас я тебе все отдам, все.

Роза пытается вырваться, но Марк не отпускает.

РОЗА. Ты у меня ничего не брал, мне от тебя ничего не нужно, пусти, я буду кричать, пусти.

МАРК. Я все у тебя взял, Роза, все! всю твою жизнь. Все твоё детство, все твою несложившуюся судьбу. Потому что я хочу баб, Роза, потому что я всю жизнь хочу чужих баб, Роза. всю жизнь хочу таких как ты Роза, вот поэтому ты и стала шлюхой, Роза, потому что я и такие мудаки, как я, хотим, тебя. Потому что ты можешь нам себя предложить, поэтому ты стала шлюхой, потому что есть я и такие как я, которым ты можешь себя предложить, Роза. Потому что мы хотим тебя. Потому что ты стала шлюхой для меня, Роза. Я взял у тебя твою нормальную жизнь, потому что мне нужен был секс, вот и все. А теперь я тебе отдам, Роза. Прижимайся ко мне сильнее, сейчас я тебе все отдам, все, что я у тебя взял, все отдам. Знаешь, кто я на самом деле? Я мужик-говно! Я всю жизнь брал, все брал у баб, которые меня окружали, я всю жизнь брал и ничего не давал им взамен.

РОЗА. Я не хочу этого слышать, козел, отпусти меня, козел!

МАРК. Я мужик-говно, я только беру у баб и ничего им даю. Никогда. Никогда ничего им даю. А вот сейчас пришло время все отдать, пришло время все отдать, Роза.

Роза пытается вырваться, но у нее нет сил, это сделать. Роза плачет и стонет сквозь слезы.

РОЗА. Отпусти меня, я тебя прошу, я тебя умоляю, отпусти.

МАРК. Сейчас я тебе все отдам, Роза, все.

РОЗА. Я больше этого не хочу, я больше этого не могу, отпусти, я тебя прошу, отпусти.

МАРК. Я все отдам, Роза, все отдам.

РОЗА. Что ты мне отдашь, ебанный мудака? Что ты можешь мне отдать? Отпусти меня, я прошу тебя, отпусти, меня, я прошу тебя, отдай мне мою жизнь.

МАРК. На!!!

Марк отпускает руки, и Роза падает на землю. Марк жадно хватается ртом воздух, пытаясь продышаться. Он приходит в себя.

МАРК. Я тебе все отдал, Роза. Все, что я брал у тебя и таких как ты все эти годы. Я вам все отдал, я все вернул. Теперь мне пора идти раздавать все остальное свое говно, прощай.

Марк, шатаясь, идет по улице. Роза смотрит вслед уходящему Марку.

РОЗА. Эй, Марк?

Марк оборачивается.

МАРК. Что?

РОЗА. Ты Иисус Христос?

МАРК. Да.

ЗАНАВЕС